

КИРИЛЛ ШАТИЛОВ

Торлон.
Война разгорается

Трилогия
в одном
томе

- Испытание страхом •
- Обитель надежды •
- Подвиг •

Трилогия
в одном
томе

КИРИЛЛ ШАТИЛОВ

Торлон.
Война разгорается

Москва, 2011

КИРИЛЛ ШАТИЛОВ

- Испытание страхом •
- Обитель надежды •
- Подвиг •

● Испытание
страхом ●

Первый снег валил с серого неба непроглядной пылью и мягко ложился на черные зеркала луж. Из снежного тумана медленно выкатилась знакомая телега, запряженная не тягловой, как водится, а самой что ни на есть ездовой лошастью, чинно проплыла по двору, будто не замечая грязи, и так же медленно скрылась за амбаром. Ветер еще под утро обленился и стих, так что пронзенная стрелой вывеска, на которую сейчас задумчиво смотрел удобно устроившийся на подоконнике Хейзит, больше не встречала посетителей таверны гостеприимным помахиванием. Все вокруг словно замерло в ожидании. А может, это ему только мерещилось...

Когда из-за амбара появилась массивная фигура толстяка и широким шагом направилась вразвалочку сквозь снег напрямик к двери, Хейзит согнал с себя невольное оцепенение, протер глаза и поспешил прочь из комнаты, вниз, в залу, где наверняка уже хозяйничали мать с сестрой. К своему немалому удивлению, он обнаружил, что стряхивающий с себя белую морозную пену Исли оказался единственным посетителем. Гверны видно не было: непривычная к пустым столам, она, должно быть, изображала занятость у печи на кухне. Велла тоже куда-то подевалась. Не вовремя, потому что такого гостя нельзя было не угостить с дороги.

— Кроку или пива? — окликнул приятеля Хейзит.

Исли поискал глазами говорившего и только сейчас заметил царившее в таверне безлюдье.

— Что это вас нынче народ не жалует? — прямодушно поинтересовался он, осторожно проходя внутрь и грузно усаживаясь за первый попавшийся стол. — Привет, Хейзит.

— И тебе привет. — Как главный работодатель Хейзит посчи-

тал возможным перейти с Исли, который был ощутимо его старше, на «ты». — Так что пить будешь?

— А, — отмахнулся толстяк, — что нальешь, то и буду. А не нальешь, тоже не обижусь. Я по делам.

— Да уж думаю, что по делам, — невесело улыбнулся Хейзит и облегченно вздохнул, заметив наконец Веллу, выходящую к ним из кухни с подносом. Видимо, она коротала там время вместе с матерью.

Выразительно посмотрев на брата и кивнув Исли, Велла поставила перед ними по дымящейся кружке с настойкой из цикория и маковых зерен и так же красноречиво удалилась восвояси.

— Хорошо пахнет, — обнюхал кружку Исли. — Бодрит. И давно у вас так?

— Из-за снега, наверное. Вчера народу не сказать, чтобы много, но было. — Хейзит отпил горячий напиток и поежился. На душе стало теплее. — Мать считает, что виной всему моя задумка с *лиг'бурнами*.

— А это-то здесь при чем? — искренне удивился толстяк.

— Да вот и я о том же. Однако она говорит, ей добрые люди намекнули, что напрасно ее сын, то есть я, снюхался с *эделями* и облапошивает простой народ.

— «Снюхался»? «Облапошивает»? Вот те раз! — Исли хватил большой глоток и крикнул от удовольствия. — Они что, с ума прыгивали все? Не видят разве, что ты об их же безопасности печешься? Не для них разве мы с тобой этими самочинными камнями занялись? Я вон рыбалку свою любимую бросил... Не пойму, хоть режь.

— Так ведь мы же не бесплатно им эту безопасность создаем, — вздохнул Хейзит. — Не мне тебе рассказывать. При Локлане ведь как планировалось: основные камни пойдут на укрепление наших застав, за них замок будет платить, а если что лишнее останется — на местную продажу пустим, хошь эделям, хошь *фолдитам*¹. А вышло как? — Он погрел пальцы о кружку. — После бегства Локлана, а с ним и Олака, все рычаги управления перешли к кому?

— К тому, кто денег больше давал, — нахмурился Исли.

— То-то и оно. К Томлину, будь он неладен. А у того не только деньги водятся. Где богатство, там и сила. Если хочешь знать, — Хейзит понизил голос, — если бы не друг нашей семьи Ротрам, у

¹ Ф о л д и т — крестьянин. — *Здесь и далее примеч. авт.*

которого через торговлю оружием имеются хорошие связи вплоть до замка, меня бы на другой же день из дела выперли. Помнишь ту злополучную пьянку, о которой я тебе рассказывал и на которой Локлан получил предписание явиться к отцу, а вместо этого дал деру? Так вот, я там видел сыночка этого самого Томлина.

— Слабоумного, у которого рот не закрывается? — хохотнул Исли.

— Слабоумного не слабоумного, а он единственный наследник Томлина. Кто важнее отцу: родной сын, каким бы он ни был, или чужой мальчишка, вчерашний подмастерье? Так что пока меня оставили в покое, в смысле, в доле, но я на этот счет не оболющаюсь. Представится возможность — вышибут меня как пить дать. — Он в сердцах грохнул кружкой об стол. — И никакой Ротрам не спасет. А люди тем временем будут думать, что это я, такой-сякой, их мужей, братьев и сыновей каменной защиты от *шеважа*¹ лишаю, про нужду застав позабыл, а сам денежки на их беспомощности зарабатываю. Вот и обходят нас по большей части стороной. Что мне делать? — озадачил Хейзит собеседника наболевшим вопросом в лоб.

— Что именно, честно говоря, не знаю, — заволновалось тучное брюхо Исли, — но заглянул я к тебе, оказывается, с похожим делом.

— Тогда не томи, — весь подобрался Хейзит, нутром уже чувствуя неладное. — Выкладывай, что там еще.

— Да от Ниеракта я еду. Прямиком к тебе. — Исли оперся локтями на стол и огляделся по сторонам, тщетно ища подслушивающих и подглядывающих. — Знаешь, что он мне сказал? Давеча к нему приезжали от Скирлоха. Ты ведь его, кажись, встречал? Очень богатый, если не самый богатый, торговец, который владеет чуть ли не половиной рыночной площади.

— Встречал. И что?

— А то, что Ниеракту предложили продать гончарную мастерскую.

— Продать? Это еще зачем?

— Не будь наивным, друг мой Хейзит, — вздохнул Исли. Выложив основное, зачем пожаловал, он расслабился и откинулся на спинку стула. — Во многих ремеслах так заведено. Перешел ты кому-нибудь дорожку, дал понять, что тоже не лыком шит, к

¹ Ш е в а ж а — дикие племена, обитатели Пограничья.

тебе сперва вежливо так обращаются, мол, мы вас так ценим, так ценим, что, если надумаете чем другим заняться, приходите, выгодно ваше замечательное начинание купим, в долгу не останемся. А если ты вдруг намек этот не понимаешь и продолжаешь заниматься, чем занимался, вот тут-то и начнутся у тебя беды одна за другой: то помощник куда уйдет, то телега сломается, то лошадь сляжет. А если ты и теперь про предложение о продаже не вспомнишь, ну, дело твое, — могут запросто и поджог устроить, и разгром учинить.

— Ты хочешь сказать, что Ниеракту угрожали?

— Не хочу, а говорю. — Исли посерьезнел. — Теперь того и гляди у меня самого охранную грамоту отымут, что Локлан писал. А тогда и до карьера не пропустят. Можно подумать, у этих Томлина со Скирлохом мало своих извозчиков. Н-да, не сбеги Локлан со своей рыжей зазновой, не было бы у нас всех этих бед.

На последнее замечание приятеля Хейзит не ответил. Он утешал себя тем, что знал, на что идет, когда отказывался от участия в переправе через Бехему с остальными товарищами по несчастью. Правда, сегодня утром он уже не был так уверен в том, что поступил тогда правильно.

Сбитый с толку легкостью, с которой Локлан принял решение незамедлительно бежать всем вместе из сетей заговора, Хейзит не сразу поверил в серьезность его намерений. На что он надеялся? Вероятно, на то, что Локлан передумает, что верный Олак сумеет отговорить его, чтобы не подвергать опасности жизнь своей дочери, или что сама Орелия улыбнется и обратит все в шутку. Не зря мать часто упрекала его в наивности. Локлан не передумал. Больше Хейзит его не видел. Только к вечеру следующего дня до него дошли слухи — кажется, их разносчиком был курносый Дит, с которым он последнее время старался иметь как можно меньше общего, — так вот, слухи эти сводились к тому, что Локлана никто не может найти. Хейзит понимал их по-своему: Локлана разыскивают. Успокаивало лишь то, что причиной побега все сплетники как один называли нежелание молодого господина отказываться от своей рыжей пленницы из народа шеважа. Вот и Исли сейчас о том же упомянул. А что это могло значить для Хейзита? Что его единственного работодателя простой люд воспринимает не как заговорщика — будь то против Ракли или кого еще, кто бы ни владел истинной властью в

Вайла'туне, — и что по-прежнему существует надежда на его возвращение.

Труднее было привыкнуть к мысли, что он может никогда больше не увидеть Орелию, поразившую его своей красотой в первый раз и не разочаровавшую за несколько последующих коротких встреч. Поначалу он утешал себя мыслью, что она, вероятно, влюбилась в Локлана и потому отважилась плыть с ним навстречу вполне возможной гибели. Потом он сообразил, что, скорее всего, это едва ли так, поскольку Локлан выбрал и взял с собой другую женщину. Наконец, он несколько успокоился мыслью о том, что, раз уж Локлан встал на путь обмана, он, быть может, только сделал вид, будто берет в попутчицы дикарку, а сам ее где-нибудь втихаря укокошил и теперь коротает время с Орелией. Проиграть в сердечном споре Локлану не казалось ему столь уж зазорным. Несмотря на полученную у Томлина тысячу «подъемных» *силфуров*¹, большая часть которых хранилась теперь в тайнике у матери, Хейзит ничуть не ощущал себя отличным от того простого паренька, каким он в свое время уезжал на заставу Граки. Разве что ответственности стало куда больше. За себя, за мать с сестрой, за нужное дело, которым занялся.

— Кстати, — прервал его размышления Исли, — я тебе не рассказывал, что, кажется, стал свидетелем их побега?

— Почему «кажется»? — встрепенулся Хейзит.

— А ты сам посуди. Вышел я днем на берег. Когда ж это было? Не скажу точно, но определенно до того, как пошли разговоры про Локланово бегство. То есть дней пять тому назад получается. Ну так вот, выхожу я порыбачить...

— Погоди-ка, это как же ты днем порыбачить вышел, если мы все это время печью занимались?

— Да? — Исли задумался. — Ты прав. Выходит, утром дело было. Ранним.

— Уж не о том ли ты дне говоришь, когда Ниеракт всех собак на тебя спустил за опоздание? Ты ему еще ответил, что накануне день рождения твой справляли.

— А ведь точно, — приятно удивился Исли. — И как ты только все помнишь? Короче, вышел я на берег, подышал, размялся, поставил удилице, смотрю, а по бурунам мимо меня вдоль берега что-то плывет. Не так чтобы близко, но и не настолько далеко, чтобы людей на этой штуке не различить. Сперва я решил, что

¹ С и л ф у р — денежная единица.

это кого-то прямо с куском земли, на котором они стояли, смыло и по течению понесло. Человек семь там было, если не больше. Ходят, мельтешат, кричат что-то друг дружке, слов не слышно, но видно, что руками размахивают. Один или два за жердину длинную держатся, которую позади себя прямо в воду сунули, будто управляют. Да куда там управлять-то! Пронесло их мимо меня быстрее, чем я тебе сейчас все это рассказываю. Я тогда, честно говоря, решил, что это шеважа где-то в стремнину затянуло. Мало ли что в Пограничье бывает. Тем более что у одного из них я точно рыжие волосы видел. Удивился я, сплюнул, и тут клев у меня пошел. А вечером или на другой день, когда про Локлана узнал, подумал, что, наверное, это он и был. Жаль, что расстояние оказалось большое, не разглядел никого толком. Там же небось и Олак твой был.

— Кто его знает! — Хейзит твердо заучил роль всеми брошенного простака-строителя. Очень уж не хотелось ему попасть на допрос с пристрастием к какому-нибудь Скелли. Свою тайну он пока не доверил даже матери, что уж говорить об Исли. — Олак был ему предан. Могли и вместе отправиться. А на чем они там все-таки плыли, ты так и не разобрал?

— Знаешь, могу так сказать: очень напоминало спущенную на воду поленницу. Только дрова эти под ними не проваливались и в стороны не расходились. Наверное, перевязали чем-то.

— Интересно.

— Я вот тоже, кстати, так считаю. Даже одну вещицу дельную, кажись, придумал. Та штуковина меня на мысль навела. Тебе могу по секрету сказать. Что, если рыбу ловить сетью не с берега, как сейчас мы делаем, а чуток подальше отплыть? Там ведь ее наверняка побольше водится. Сесть на такую вот поленницу, к берегу ее веревкой привязать, чтобы не уплыть, и вперед. Я, признаться, третьего дня несколько брусков взял, между собой потуже скрутил, сверху груз наладил да в корыто с водой положил — до сих пор не тонет, от оно как!

— Интересно, — повторил Хейзит.

— Если это они были, Локлан и дружки его, не хотел бы я, конечно, на их месте оказаться. Околеть по такой погоде, да еще в воде, в два счета можно. Но после зимы, если доживу, обязательно попробую такую поленницу плавучую сварганить. Чем хуже твоего изобретения, а? — Исли самодовольно похлопал себя по

пузу. — Разве что другим его повторять я, как ты, не смогу запретить.

— А я и не запрещаю, — отмахнулся Хейзит, которому подобные наветы уже успели надоесть. — С мечением каждого лиг'бурна — это вообще не моя идея была, если разобраться. Хочешь, я тебе прям сейчас объясню, как глину готовить и как ее потом на огне правильно обжигать?

Исли почесал щеку.

— И что я потом с этими знаниями делать буду? Где столько глины взять? Ты сам видел, как на карьере работа построена и кто там теперь заправляет. Люди Томлина в пополаме с Ниерактовыми. Пока в пополаме.

— Глину в другом месте можно найти, — неуверенно предположил Хейзит.

— Ага, можно! И печь большую при желании построить. А строить ты потом где будешь? В Пограничье, чтоб никто не видел? Камни-то твои, сам говоришь, меченые. Проверить их у любого *фра'нимана*¹ труда не составит. Нет, брат, замок нас крепко за одно место взял. Хочешь вырваться — одна дорога: следом за Локланом в Бехему, и поминай как звали.

У Хейзита возникло желание поделиться с Исли собственными чаяниями по этому поводу, однако он заставил себя промолчать. Собеседника он знал по службе на погибшей заставе и по непростой дороге домой, но это ни о чем ровным счетом не говорило. После истории с поджогом дома старика Харлина, истории, в которой был замешан Дит, ближайший друг его покойного отца, Хейзит научился никому не доверять полностью. Надо будет, он сам, без посторонней помощи воспроизведет из дерева довольно понятный рисунок Вила, посадит на «плот» мать с сестрой и попытается повторить храбрый шаг Локлана, а может, даже нагнать беглецов. Если те еще живы...

— Надо идти к Ракли, — проговорил Хейзит.

— Кому?

— Мне, конечно. Грамота для прохода в замок у меня пока есть. Он меня, надеюсь, еще не забыл. Думаю, поговорить не откажется.

— И о чем ты будешь с ним разговаривать? — Исли облокотился обеими руками о стол и положил тяжелый подбородок на кулаки. — На жизнь плакаться?

¹ Фра'ниман — сборщик оброка, гафола.

— Да нет, скажу про главное. Что мои камни нужны в первую очередь на заставах. Что пока мы их изготовление не наладим, ничего никаким эделям продавать нельзя.

— Мысль хорошая, но не уверен, что Ракли поймет хоть слово из твоей речи.

— А тогда я ему еще раз попробую сказать о том, что в противном случае довольно скоро погибнут все заставы. Я тут давеча с Ротрамом опять-таки говорил, так он считает, что затишье в Пограничье — временное. Судя по всему, шеважа испугались нас атаковать силой после того, как на окраинах Вайла'туна им наши фолдиты отпор дали. Ты, я надеюсь, слышал про это?

— Да вообще фолдиты — молодцы! — оживился Исли. — Две атаки дикарей отбить, с пожаром справиться — не всякий отряд *виггеров*¹ так лихо сработает. Правда, немало их там полегло, говорят. Включая *сверов*, которые пришли в последний момент им на подмогу.

— А ты заметил, что замок про этот подвиг как воды в рот набрал? Все, что мы знаем, только благодаря слухам. Не кажется подозрительным?

— Как-то не думал об этом, но с тобой согласен: не по-людски вышло.

— Так вот, я к тому, что благодаря нам шеважа снова нас побавиться, похоже, стали. Залегли и выжидают. Зима, сам знаешь, для них не лучшее время. Листва опадает, скрыться за деревьями все труднее, на снегу следы видны. Самое время дела нам делать. С телег колеса сняли, полозья поставили, загрузили побольше камней, благо они не такие тяжелые, как настоящие, отрядили кого из *мергов* в сопровождение — и вперед, к заставе. За зиму я бы если не все, то большую их часть в порядок привел. Дикари от нас действий ждут, а мы тут сидим. Того и гляди они в себя придут и еще раз вдарят.

— Зимой не вдарят, — хмыкнул Исли. — Зимой их огненные стрелы бесполезны.

— Вот потому-то и надо спешить отстраиваться, — подытожил Хейзит. — Каменщики ты не представляешь, как по работе соскучились. Многие чем только не занимаются, кроме основного дела своего. Да им только камней выделит да раствора погуще налей — миг заставы стенами обнесут. Неужели, думаешь, Ракли это не поймет?

¹ В и г г е р — воин, от слова «виг» («война»).

— Неужели, думаешь, Ракли этого не понимает? — в тон приятно переспросил Исли. — Только почему-то уже давно не чешется. А если чешется, то как-то странно: отправляет один за другим отряды добрых воинов на верную гибель.

Хейзит вспомнил свой последний разговор с Олаком перед расставанием. Собственно, все именно с ним, а ни с каким не Ротрамом он и обсуждал, отъехав подальше от возводимой на берегу огромной печи и разглядывая с лошадиной спины пенистые буруны. День выдался сумрачный, ветреный, временами накрапывал надоедливый дождь, но они будто ничего не замечали вокруг, погруженные каждый в свои мысли. Постепенно разговорились. Олак оказался на удивление не таким скучным и прямолинейным служакой, каким выглядел или хотел выглядеть. За предыдущие дни у Хейзита не раз возникало подобное подозрение. Теперь же Олак, осознав окончательно, что все мосты к отступлению сожжены, заговорил с ним чуть ли не как с сыном — доверительно и откровенно. И прежде всего предложил хорошенько подумать, стоит ли здесь оставаться. Возражение Хейзита насчет матери и сестры он охотно принял и в лоб отговаривать не стал, однако предупредил, что еще неизвестно, не будет ли им труднее, если он останется. Будто предвидел то, что теперь происходило с таверной и прежними ее посетителями. А насчет Ракли прямо сказал, что рассчитывать на него не стоит вовсе. Мол, дела в замке настолько, как он выразился, запущены, что едва ли сам Ракли протянет долго. А уж охотников на его место найдется хоть отбавляй. Ему не было доподлинно известно, сам ли Ракли допускал просчеты с обороной Вайла'гуна и ответными действиями против дикарей, или его к ним подталкивали, но только многие военачальники и советники уже сейчас начинали перетягивать одеяло на себя. Притом довольно успешно. И не только особенно приближенные к Ракли, занимавшие четыре кресла за столом в круглой зале советов, но и те, кто ютился на простеньких стульях вдоль стен. Хейзит отчетливо помнил эту залу, куда именно Олак привел его с товарищами для первого и, как оказалось, последнего разговора с Ракли.

— С уходом Локлана у него совершенно не остается преемников, — добавил Олак, щурясь на парящих над волнами чаек. — А то письмо, что получил вчера Локлан, написанное как будто почерком Ракли, вообще наводит меня на самые худшие предположения.

— В каком смысле?

— А в том, что подобные вещи слишком легко проверить. Если это подлог, как мы сразу же заподозрили, то очень смелый, потому что его авторов ждет неминуемая расплата. Или они уверены в том, что расплата минуема. Что возможно лишь при одном условии. — Он замолчал.

— Если Ракли уже не у власти? — предположил Хейзит.

— Вот видишь, ты сам все прекрасно понимаешь. — Олак оглянулся через плечо на приобретающую все более определенные контуры печь. — Если решишь снова побеседовать с Ракли, будь готов к неожиданностям.

Сейчас, сидя за столом в теплой таверне, Хейзит пережил те же смешанные чувства, которые охватили его в тот момент. Ракли всегда был и всегда будет. Он не может исчезнуть просто так, перестать жить, оставить вабонов один на один с зимой, холодной Бехемой и хищными стаями обнаглевших дикарей. Какой-никакой, но он сын своего отца, Гера Однорукого, заложившего основы многих незыблемых сегодня законов. Его правление до недавнего времени можно было назвать не иначе как славным и достойным. Без него... Куда они без него?..

— Все-таки я попробую с ним встретиться, — вздохнул Хейзит, радуясь, что слышит собственный голос. — Меня всегда учили, что, если есть что сказать, надо говорить. И если Ракли на нашей стороне, мы сможем одним махом решить все наши вопросы.

— Одним махом только головы рубят, — скривился Исли. — Вспомни, разве не так же ты рассуждал, когда мы пробирались домой через Пограничье?

— Ну, если уж на то пошло, то кое-чего мы все-таки добились.

— Надеюсь, ты сам понимаешь, что все это — ерунда.

Хейзит понимал прекрасно. Да, конечно, какое-то короткое время он мнил себя чуть ли не спасителем соплеменников, мастером-строителем, придумавшим достойную замену камням, которая обязана спасти вабонов от будущих невзгод и положить конец извечному противостоянию с лесными дикарями. Потом ему показалось, что вершить добро для других не только приятно, но и выгодно. На тот злосчастный *эфен'мот*¹ шел с ощущением, что стал зажиточным, если не сказать богатым, человеком. Увидев среди гостей Орелию, возмечтал о ней и подумал, что вот

¹ Э ф е н ' м о т — вечеринка, званый ужин у эделей.

она, сладкая расплата за все его прошлые трудности и лишения. Хоть и не эдель, он сможет дать ей то, что подобные красавицы вправе ожидать от настойчивых ухажеров. А оказалось что? Она знала больше него, больше их всех, вместе взятых. И умела убеждать. Выслушав ее, Локлан ни мига не сомневался в том, что следует делать. Поверил ей. На время она стала их вождем. И он, Хейзит, совершил ошибку. Да, все-таки с его стороны это была роковая ошибка, теперь он как никогда уверен в этом. Нужно было хотя бы попробовать переправиться вместе с ними через Бехему. Если это удалось бы им, он наверняка нашел бы способ вернуться за матерью и сестрой. А сейчас что? Время решительных поступков упущено. Плот с его прежними друзьями уплыл, подхваченный стремниной, и, может быть, благополучно пристал к противоположному берегу. Теперь они бредут, пешком, без лошадей, обремененные поклажей, в направлении далеких гор и, скорее всего, даже не вспоминают о нем. Перед ним одно за другим прошли лица Локлана, Олака, Биринея, Вила, Орелии. Они оглядывались на него и кивали, будто прощались.

— Почему ты еще здесь? — вывел его из тревожного забытья голос матери. Гверна вышла из кухни, машинально продолжая вытирать полотенцем сверкающую кастрюлю. — Разве тебя сегодня освободили от работы?

Хейзит хотел было объяснить, что с некоторых пор он сам волен кого угодно освобождать или привлекать к постройке печи для обжига камней, но передумал. Мать не поймет. Вероятно, ей самой станет легче, если сын не будет видеть, что случилось с ее таверной. Пусть даже виной тому он сам. Гверна не держала на него зла. Да и как она могла, если сама так радовалась ответственному назначению сына? А трудности с таверной — временные. Все обязательно вернется на круги своя. Только будет лучше, если до тех пор Хейзит займется делами, желательно где-нибудь подальше.

— Пошли, — сказал Хейзит, вставая. — Договорим по дороге. Посмотрим, что там делается, на месте.

Когда он вышел следом за Исли, кутаясь в старенькую отцову шубу и на ходу натягивая на уши меховую шапку, им навстречу попались первые сегодняшние посетители, отряхивавшиеся на крыльце, — двое мужчин и женщина. Обменялись кивками. Оставшаяся все это время впряженной в телегу лошадь тыка-

лась мордой в заснеженную кормушку, выковыривая стебли по-суше.

— Почему ты до сих пор колеса не снимешь? — обратился Хейзит к Исли, когда тот, заняв место впереди, привычно дернул поводья и пустил лошадь боком. — Полозья уже в самый раз.

— Ну, во-первых, снег еще раз десять стает, — издалека начал толстяк, выправляя телегу на дорогу, которая, петляя между избами, должна была вывести их через Малый Вайла'тун к западным воротам в Стреляных стенах — ближайшим из трех — к карьере и строящейся печи. — Во-вторых, как тебе известно, конной тягой я обзавелся не так уж давно. Только, можно сказать, привыкаю. А потому еще не успел всего предусмотреть да прикупить. Телега-то мне задарма досталась, но полозьев к ней не прилагалось.

— Так бы и сказал, — улыбнулся Хейзит. — А то «еще десять раз стает»!

— А по-твоему, не стает? Давай на полозья новые поспорим, что уже завтра тут все в грязи снова будет!

«Если сегодняшней день переживем благополучно, я тебе на радостях просто так самые лучшие полозья куплю», — подумал про себя Хейзит, а вслух предложил Исли закатать губу. Тот победно расхохотался, и повозка покатила шустрее.

С наступлением зимы Малый Вайла'тун обычно превращался в сонное царство. Если за Стреляными стенами еще кипела какая-то вынужденная жизнь, здесь все постепенно замирало и впадало в спячку. Короткие дни, почти лишённые солнечного света, бесконечные ночи, сопровождаемые заунывным завыванием вьюг, не способствовали даже у детворы желанию радоваться жизни, как она есть. Особенно это было заметно с приближением к обводному каналу. Здешние обитатели в полном составе могли позволить себе не заботиться всякий день о хлебе насущном и ограничивались лишь самыми необходимыми выездами из надежно укрытых в глубине садов поместий. Вот и сегодня дорога была безлюдна, если не считать прогуливавшейся вдоль канала троицы конных стражей да саней, лихо пересекших им путь уже почти при въезде в Большой Вайла'тун. Канал еще не замерз: оставляя за собой елочки следов, вороны прогуливались по тонкому насту и осмотрительно огибали черные лужицы воды.

Хейзит сунул руку за пазуху. Все в порядке, разрешительную

грамоту на беспрепятственный провоз груза через любые ворота Стреляных стен он прихватил. Раньше у него была еще одна грамота, но ее он отдал Томлину, когда получал с него обещанные Локланом деньги на строительство. Деньги Томлин выдал, а с Хейзита взял расписку в получении. Нешуточная сумма в тысячу силфуров подлежала возврату. На том месте мысль Хейзита застопорилась и отказалась двигаться дальше. Что же получается? Он расписался в получении денег от Томлина. Расписываясь, он пребывал в полной уверенности, что делает это за Локлана, который уладит со своим доверенным ростовщиком все последующие вопросы. Так бы наверняка и произошло, но Локлан пустился в бега, и теперь в должниках Томлина оказался сам Хейзит. Вот тебе и богатство! Конечно, если в конце концов Хейзита из дела не выгонят, он с лихвой вернет долг и еще на безбедную жизнь где-нибудь поблизости от канала хватит. Но если тому же Томлину или Скирлоху вздумается воспользоваться отсутствием Локлана и выбросить Хейзита на улицу, заменив каким-нибудь своим проверенным гончаром, кто за него заступится? Постаревший Ротрам? Вряд ли у него хватит сил. Соседи Гверны? Еще хорошо, если они пройдут мимо и не подольют масла в огонь. Да уж, положение складывалось невеселое.

Хейзит подтянул левый рукав шубы и убедился в том, что красивый пестрый шнурок по-прежнему обязан вокруг запыстеть. Этот шнурок, недавно полученный из рук мерзкого старичка по имени Скелли, давал ему право на свободный проход в замок, включая центральную башню, *Меген'тор*, где исстари обитали правители вабонов. На благо или на погибель оказал Локлан ему эту услугу? «Погибель, — подумал Хейзит, — дело нехитрое». Но вот за благо придется не на шутку побороться. И уж лучше со шнурком, чем без шнурка.

Телегу тряхнуло. Исли выругался. Впереди уже маячили высокие ворота.

До последних событий в Пограничье и на окраинах Вайла'туна Стреляные стены при всей своей прочности и внешней неприступности выполняли весьма условную роль, отделяя более зажиточную часть от, скажем так, менее зажиточной. На них никогда не было *эльгяр*¹, как, собственно, и *рант*, по которым те могли бы ходить. Даже караул приближался к воротам лишь затем, чтобы изредка закрывать их на ночь. Теперь же там постоян-

¹ Эльгяры — защитники заставы.

но несли службу, точнее, круглые сутки скучали с десятков пеших стражей и пара конных. Появление телеги вызвало в их рядах явное оживление. Оба всадника решительно направились навстречу, всем своим видом красноречиво показывая, что придется остановиться. Хейзит сбил шапку на затылок. Его не признали, хотя иногда предъявлять пропуск не требовалось.

— Что везем? — поинтересовался один из всадников.

— Пока ничего, — ответил Хейзит, неспешно доставая и разворачивая перед носом стража верительную грамоту.

— Куда направляетесь? — более дружелюбно осведомился второй.

— Спасать Вайла'тун, — зачем-то буркнул Исли.

Всадники переглянулись.

— На строительство едем, — поспешил уточнить Хейзит, ткнув рукой в направлении уже различных костров, которыми землекопы отогревали промерзающую глину. — Мы тут теперь часто проезжать будем.

— Что у вас там? — Первый всадник подвел коня вплотную к телеге и похлопал рукавицей по сваленным в кучу шкурам.

— Рыба, — не оглядываясь, через плечо ответил Исли. — А вам-то что? Запрещено разве?

— Проверяем, — холодно бросил страж и на глазах пораженного такой наглостью Хейзита откинул верхнюю шкуру в сторону.

Под ней действительно оказались две кадки с заледеневшей рыбой.

— Проезжайте, — почти в один голос гаркнули всадники и первыми загарцевали обратно к воротам.

Когда ворота наконец оказались позади, Хейзит оглянулся и процедил сквозь зубы:

— Совсем сдурели, дармоеды! Проверяют они, видите ли! Я знаю, что они проверяют. Беглецов наших ищут, которых и след простыл. Будто Локлан поперся бы напрямик через их тухлые ворота. Раньше сторожить надо было.

Исли предпочел промолчать. Только пустил лошадь поживее.

По эту сторону Стреляных стен Вайла'тун разрастался слабо. Сказывались, вероятно, постоянные ветра, дувшие с Бехемы и доносившие зябкую водяную пыль. Избы стояли значительно реже, чем в направлении Пограничья или даже с противоположной стороны от замка, вниз по течению, где селились рыбаки.

Традиционно здесь преобладали семьи потомственных пастухов, чьи стада коров и овец давно облюбовали пышные луга, простирившиеся с весны по позднюю осень аж до самого карьера, и хлеборобов, снимавших на плодородных землях иногда по два урожая за лето.

Изначально предполагалось, что Хейзит будет жить вместе со строителями и гончарами в новой мастерской при печи. Во всяком случае, таково было распоряжение Локлана. Первые две ночи Хейзит честно провел в землянках землекопов, трудившихся на карьере почти постоянно.

Сразу же стало понятно, что такую мастерскую, какую хотел соорудить Локлан, каменную и надежную, чтобы ее обитатели не боялись ни стужи, ни врагов, за здорово живешь не построить. Нужны были лиг'бурны, а их-то как раз в ближайшее время взять было неоткуда. Решили сосредоточить усилия на постройке самой печи. Для этого трудами Ниеракта и его людей было сложено несколько обычных печек, в которых с утра до ночи поджаривались камни для главного строительства. Однако землянки землекопов не смогли вместить всех желающих. Пришлось спешным порядком вызывать плотников на постройку хотя бы временных деревянных жилищ и усиливать вооруженную охрану, которая теперь сопровождала частые вылазки на ближайшую опушку леса за бревнами.

Вскоре выяснилась еще одна трудность, способная заметно усложнить и затянуть работы: от ночных заморозков глина в карьере каменела не хуже, чем в печи. Чтобы не останавливать добычу, стали разводить костры, которые сейчас указывали Исли прямой путь через стену все усиливающегося снега. Для костров требовались дрова. Рейды на лесную опушку участились, что прибавило волнений всем — и дровосекам с плотниками, и охраняющим их виггерам.

Поскольку глина для нужд вабонов требовалась всегда, ничего нового в необходимости зимой жечь костры и работать не только лопатами и ковшами, но и заступами с кирками, собственно, не было. Смущали землекопов — и в особенности их грозного начальника по имени Конрой, а по кличке Детка — две вещи: слухи о возможном нападении лесных дикарей, подтверждавшиеся усиленной охраной, и отсутствие надбавки к жалованью за риск и дополнительные зимние трудности.

Приступая к работе, Хейзит знал лишь о том, что карьер при-

надлежит замку и что слово Локлана обеспечивает бесплатное получение всей необходимой глины. Об остальном у него голова не болела. Землекопы стояли на довольствии Ракли, вопросы с ними по-свойски решал Олак, упомянутого Конроя Хейзит видел разве что мельком, и все было бы ничего до сих пор, если бы на следующее утро после побега друзей Хейзит не осознал, что остался со всем этим один на один. Ни Локлан, исчезнувший сразу же после общего разговора у Томлина, ни Олак, имевший такую возможность весь последующий день, но, вероятно, слишком занятый мыслями о предстоящем, его не предупредили и никаких соответствующих напутствий не дали. При этом на карьере Хейзита поспешно представили всем как главного, так что теперь он вправе был ожидать, что снежный ком забот свалится именно ему на голову.

Когда накануне Хейзит уезжал отсюда ночевать домой, работы продолжались с неизменным упорством, во всяком случае, внешним. При этом он отдавал себе отчет в том, что уезжает не только потому, что спать пока было негде, но и потому, что пребывание ночью в обществе землекопов может закончиться для него не очень хорошо. Стоило слухам о бегстве Локлана подтвердиться исчезновением Олака, который раньше всегда сопровождал Хейзита, отношение Конроя к происходящему резко изменилось. На своих людей он по-прежнему покрикивал, чтобы лишний раз не расхолаживать, однако Хейзит замечал, что сам он стал от работы отлынивать и все больше косил в его сторону недобрый глазом.

Откровенного бунта Хейзит не ждал. По крайней мере до тех пор, пока кому-то не пришлось в голову увести охрану. Отвечать за нее был поставлен на вид еще более свирепый, чем Конрой, свер, неохотно откликавшийся на имя Брук. Поставлен он был самим Олаком, причем, как понял Хейзит, вопреки неписанным правилам, по которым свер не может командовать мергами. Будто для смягчения несправедливости, Бруку был выделен прекрасный конь, на котором тот сидел с завидной ладностью, опровергая до сужие домыслы, мол, сверы только и умеют, что в латы тяжеленные рядиться да пешкодралом впереди лучников и всяких арбалетчиков на врага наступать. С Хейзитом Брук почти не разговаривал, однако, в отличие от Конроя, нисколько его не чурался и волком не смотрел. Вероятно, близость Хейзита к Олаку кое-что для него значила. Кроме того, *фултумом*, то есть помощником,

при нем ходил тот самый светловолосый юноша по имени Гийс, которого Хейзит имел удовольствие встретить во время первого посещения Ракли. Гийс тогда ухаживал за *беорами* героев и произвел на Хейзита очень даже приятное впечатление начитанностью и простотой.

Сейчас, приближаясь к карьере, Хейзит с особой остротой ощущал, что дальнейшая его судьба, а быть может, и жизнь, во многом будут зависеть от доброй воли этих двух людей — Брука и Гийса.

Был еще один человек, расположение и порядочность которого для Хейзита дорогого стоили. Причем в прямом смысле. Звали его Улмар, и служил он в обычное время *фра'ниманом*, то есть раз в десять дней наведывался к вверенным ему соплеменникам и забирал в казну замка положенный гафол, иначе говоря, оброк. Этим, как он сам признался в доверительной беседе Хейзиту, Улмар занимался всю сознательную жизнь, пока его высокий начальник, Казначей, не поручил ему, по просьбе Локлана, вести денежные дела, связанные с постройкой и работой печи. Именно через него Хейзит получал причитавшееся ему за труды жалованье, согласованное все с тем же Локланом. Улмар на строительство наведывался редко, деньги Хейзиту пока вручил лишь однажды, причем в общую сумму входило и то, что причиталось Исли. Хейзит тогда еще возразил, предложив впредь рассчитывать их заработки отдельно, поскольку надеялся на достигнутую с Локланом договоренность иметь часть жалованья как постоянную сумму, а часть — как долю с продаж *лиг'бурнов*. Улмар легко пожал плечами и обещал этот вопрос уладить.

Пока шло строительство и речи о продажах не возникало, Хейзит не слишком беспокоился о размерах прибыли. Когда же он неожиданно-негаданно остался один на один с вышеупомянутым ворохом забот, честно говоря, ему стало не до прибылей. Лишь бы вообще что-то получать вовремя и не оказаться отрезанным от своего детища полностью. Если в один далеко не прекрасный день Улмар откажется ему платить, куда Хейзит мог бы кинуться в поисках правды? К Казначею, которого не знал? К Ракли, остававшемуся для него недосягаемым? К таинственному Скелли, который выдал ему однажды пропускной шнурок и изобразил живое участие? К Томлину, столь обходительному при первом и единственном разговоре, когда Локлан был у власти, и неизвестно как изменившемуся с его исчезновением? Или к

Скирлоху, который виделся Хейзиту тенью Томлина? Ответа пока не находилось.

— Если так будет снежить до вечера, — прервал его размышления заметно подсевший голос Исли, — ночевать по-любому придется на карьере.

— Может, там у народа какие полозья подходящие найдем? — Хейзит плотнее закутался в шубу. — Говорил тебе, зря сам заранее не побеспокоился.

— Полозья уже не спасут. Смотри, как коняга вязнет. А рассчитывать дорогу под таким снегопадом даже мать твоя не выйдет. Считай, повезет, если завтра к вечеру эти наносы стают.

— Погоди тревогу бить, еще только утро. Да и разве не ты говорил, что первый снег скоро стает?

— Кто ж знал-то, что так распоганится? — Исли зорко смотрел вперед, стараясь не потерять из виду приближающиеся огни костров. — Да ты не бойсь. Там у меня под кадками с рыбой арбалет да еще кое-что припрятано. Переночуем!

— А я и не боюсь, — соврал Хейзит.

Они с Исли никогда не обсуждали положение дел на карьере, но тот, вероятно, обо всем и сам догадывался. Исли родился в семье рыбака, а рыбаки почему-то считались людьми хитрыми. «Хитрыми-то хитрыми, — подумал Хейзит, — а до плота до сих пор не додумались. Всю жизнь плещутся на берегу да запуганы, как все остальные».

— Ты, однако, прав оказался, — обрадованно ткнул Исли задремавшего было от качки Хейзита в плечо. — Денек, похоже, налаживается!

Хейзит открыл глаза. Снегопад утих. Оказалось, что небесная синева никуда не делась, а только пряталась за молочной непроглядностью туч. Теперь солнце разогнало тучи, оставив кое-где белые булки облаков. Сверкающий снег мешал смотреть. Хейзит закрылся рукавицей.

Костры под наскоро сколоченными навесами по-прежнему пылали, только теперь их огонь был почти неразличим на фоне сверкающей белизны. Собранные под общим навесом печки гончаров обнадеживающе дымились, а сами мастера сновали между ними, явно не только изображая работу. Одна из фигур стояла чуть поодаль и издали махала подъезжающим рукой. Это был Ниеракт. У Хейзита потеплело на душе. Еще повоюем!

Едва различимая под снежными завалами дорога стала оги-

бать навес с печами, и показался остов будущей мастерской. Плотники тоже молодцы. Проявили прозорливость и стали возводить избу хитро, не как положено, с основы, а как того требовала погода и Хейзит — с крыши. Еще до его отъезда поставили несущие балки. Теперь на них появился покатый настил, укрытый белой шапкой снега. Оставалось перекрыть балки досками, и можно постепенно обживать будущую избу: стелить пол, устраивать домашнюю печь для согрева, не спеша, с толком обкладывать всю конструкцию бревнами, прорубать окна, ставить прочную дверь с замками. И надеяться, что всего этого хватит на первое время, пока возводится главная печь, после чего и мастерскую можно будет переделать в каменную, постоянную.

— Что это вы в самый снегопад поперлись? — гостеприимно приветствовал их Ниеракт, высокий детина в не по зиме легкой рубахе и неизменном переднике. — Мы уж думали, сегодня вряд ли вас дождемся.

— Потому и разбежались? — поинтересовался Хейзит, спрыгивая с телеги и проваливаясь в снег почти по колено.

— А кто разбежался? — обиделся Ниеракт. — Вон мои все как один вкалывают, камушки твои строгают.

— Не мои, а наши, — поправил Хейзит. — А строители куда делись? — Он указал на две одинокие фигуры, лениво перекатывающие бревно по ту сторону остова мастерской.

— Только что за новыми дровами ушли.

Под «дровами» Ниеракт подразумевал и дрова, и строительный лес.

— И охрану небось с собой увели?

— Увели, да не всю. Приятель твой, кажись, остался. У них там с Конроем спор давеча вышел.

— Спор?

— Обычное дело: кто нужнее — воины или землекопы. Поди сам погляди на этих красавцев. В карьере они с утра были.

Хейзит оставил Исли распрягать телегу и сгружать рыбу к предстоящему обеду, а сам поспешил туда, где должно было добываться будущее спасение всего Торлона. Одного взгляда хватило, чтобы определить, что работы встали. Костры, указывавшие не так давно путь, еще горели, но были совершенно беспризорными. Создавалось гнетущее впечатление, будто карьер покинут и самые невеселые предчувствия Хейзита сбываются.

Вместе с Конроем землекопов было пятнадцать. Когда Хей-

зит с замирающим сердцем подошел к обрыву, то увидел всех разом. Кто стоял, кто лежал, кто сидел на лесах, огибающих изнутри всю площадь карьера. Двое устало опирались на лопаты. А еще двое, сгибаясь под тяжестью набитых глиной мешков, на виду у всей честной компании наперегонки мчались вверх по перекрытиям между лесами — разгружаться. Мчались, конечно, сильно сказано. Усилий они затрачивали, правда, как на всамделишный бег, однако двигались натужно и совсем не быстро. Один был тяжело отдувающийся Конрой, другой — улыбающийся из последних сил Гийс.

Хейзит попытался было их окликнуть, но его не услышали. Громко ругаясь и рискуя сорваться на дно котлована, он полез по старым и давно утратившим надежность балкам выяснять, что там у них происходит. Преодолев расстояние в дюжину человеческих ростов, Хейзит оказался на уровне выше других расположившихся зрителей и пошел в обход, держась за мокрые от тающего снега перила и то и дело поскальзываясь. Его по-прежнему не замечали. Или до последнего делали вид. По пути Хейзит потрогал стены карьера и удостоверился в том, что глина пока еще вполне пригодна для раскопок.

— Ждем, когда настоящие морозы ударят? — сказал он нарочито громко и ни к кому в отдельности не обращаясь. Некоторые землекопы повернули головы, кто удивленно, кто с раздражением, что им мешают. — Кто велел останавливать работы? — Последние слова Хейзит произнес от души, резко, даже, можно сказать, свирепо. Получилось весьма внушительно. Рывкнув в пустоту, Хейзит замолчал. Ждал.

Оба спорщика, успев разгрузиться и теперь налегке спешившие за новой ношей, переглянулись и, не сговариваясь, остановились.

Хейзит понял, что первый шаг вышел удачным. Теперь следовало во что бы то ни стало закрепить успех. Как их учили в свое время на заставе: общий залп по врагу, а потом прицельная стрельба.

— Когда в следующий раз решите заняться ерундой, подумайте о своих братьях и друзьях, в которых сейчас летят огненные стрелы шеважа. И которые гибнут только потому, что вы не дали им достаточно камней на постройку надежных стен. Надеюсь, Гийс, Брук знает, чем ты тут занимаешься...

Не дожидаясь ответа, Хейзит повернулся и, не оглядываясь,

полез обратно. Позади себя он слышал ропот голосов. Теперь это их личное дело. Он не нанимался к ним в няньки. И не намерен спорить со взрослыми людьми. На то каждому дана совесть.

У самого верха его нагнал Гийс. Помог выбраться. Пошел рядом, затягивая ремни легких доспехов, которые надевались прямо на меховую куртку и теплые вязаные штаны. Помолчав, начал оправдываться:

— Я не мог поставить его на место иначе. Зато теперь он не будет взирать свысока ни на меня, ни на остальных виггеров... ни на тебя. Думал, видать, только землекопы умеют по лесам лазить. Кстати, глины мы на пару тоже прилично перетаскали.

Голубые глаза Гийса смотрели под ноги и щурились в улыбке.

— Мы не имеем права терять время, — неожиданно спокойным тоном напомнил Хейзит. — Конрой — дурак. Я знаю прекрасно, он считает, что их тут заставляют работать больше обычного, потому что кому-то вроде Локлана, Скирлоха или меня понадобились деньги. За других говорить не берусь, но я здесь потому, что горел на заставе сам и никому не пожелаю пережить подобное. Надеюсь, мне не нужно тебе ничего объяснять.

— Локлан и вправду сбежал? — после короткой паузы снова заговорил Гийс.

— Нам-то с тобой что с того? Если и бежал, это его забота. Ну да, в Вайла'туне его, похоже, нет. И что теперь? Пойдем сдаваться шеважа?

— Я не про то...

— А я про то! Глупо думать, будто мы сейчас что-то делаем для него. Нам себя спасти в первую голову нужно. Хоть с Локланом, хоть с Ракли, хоть без них. Наша с тобой главная задача, чтобы работы ни днем, ни ночью не прерывались.

— А что, и с Ракли не все ладно? — Гийс бросил на собеседника настороженный взгляд.

— Понятия не имею. — Хейзит не хотел ни с кем делиться своими подозрениями. — Ты слышишь, про что я талдычу?

— Слышу. — Гийс деловито поправил на поясе топорик с двумя лезвиями. — Ты ведь знаешь, Хейзит, что можешь на меня рассчитывать. Я не хуже твоего понимаю, что в замке какая-то неразбериха творится. Или очень даже разбериха, только не про нас. Покойный Ворден не все, конечно, рассказывал, но, бывало, делился со мной своими сомнениями.

— Насчет чего?

— Да насчет всего понемножку. Ты, кстати, мастерскую видел? Неплохо уже получается. Брук тоже когда-то плотничал. Говорит, день-два — и можно ночевать.

— Ты Бруку доверяешь?

— Думаю, свер из него лучше, чем плотник, — признался с улыбкой Гийс.

— Я не об этом. — Хейзит замедлил шаг. — Ты ведь понял, что Олак последовал за Локланом. Олак Брука здесь начальствовать ставил. Не подведет без пригляду-то? С Конроем я его, конечно, не сравниваю...

— А, ты в этом смысле! Не бери в голову. Лебезить он ни перед тобой, ни перед кем не будет, но дело свое знает справно. Не зря же его тут главным сделали.

— А почему, кстати, его, а не мерга какого-нибудь? Конники наши, похоже, не слишком довольными остались.

— Их довольство никому тут не интересно. — По тону Гийса было заметно, что Хейзит затронул приятную ему тему. — Я Брука две зимы знаю. Мужик надежный, не чета другим. Олак его у Демвера на карьер с большим трудом отбил. Тот собирался нас обратно в Пограничье посылать.

— Кто такой Демвер?

— Не слышал, что ли? Как Тиван — мергами, так Демвер всеми сверами командует. Над обоими только Ракли.

— А если Ракли не будет, кто из них верх возьмет? — невозмутимо поинтересовался Хейзит.

— Ну ты и сказанешь тоже! Как это «если не будет»? — Гийс задумался. — Не знаю. Надеюсь, что не тот и не другой.

— А зачем вас нужно было в Пограничье, как ты говоришь, посылать?

— Так ведь Брук только-только с одной дальней заставы вернулся. Он там себя с лучшей стороны показал: и заставу укрепил, и дикарей вволю погонял, и домой живым вернулся, и людей своих привел. — Он замялся. — Почти всех. Фулдум у него погиб на обратном пути. Меня, если так судить, на его место и взяли.

— А как же две зимы, которые ты его знаешь?

— Ну да, а что такого? Я Брука и до ухода в Пограничье помню.

— Смотри, они, кажется, тоже возвращаются, — указал Хейзит на кучку черных точек, ползущих по белому берегу. Как будто на белую пенку молока высыпали щепотку молотого перца. —

Ты не знаешь, они телеги на полозья переставили? Иначе нам их к вечеру ждать.

— Нет, там сани, — уверенно заявил Гийс, радуясь, что они сменили тему. — Вчера под вечер две подводы пришли. Их сегодня и отправили. По два коня в упряжке. Самый раз бревна возить.

— А прислал кто, выяснили? — напрягся Хейзит.

— Один пень разница! Не то от Скирлоха-ворюги, не то от Томлина-крохобора. Третьего не дано.

— Так-то оно так, но мне теперь обязательно нужно знать, кто счет выставит...

— Тебе-то что? — искренне не понял Гийс.

Хейзит коротко и доходчиво поведал про положение, в котором оказался по милости уж слишком легких на подъем сотоварищей. Гийс под конец присвистнул, но не нашел, что ответить. После этого разговора он смотрел на Хейзита с уважением и жалостью.

Время до обеда прошло для Хейзита незаметно. Люди, подобранные Ниерактом, и в самом деле знали гончарную работу ничуть не хуже своих начальников, и ровные ряды лиг'бурнов росли под навесом буквально на глазах. Причем, несмотря на холод и ветер, камни получались прочные, гладкие, без предательских трещин. Те двое из строителей, что оставались возиться с бревнами для мастерской, были переброшены Хейзитом на кладку главной печи. Сам он свистнул на помощь что-то уже жующего за обе щеки Исли, и они вдвоем, засучив рукава, стали перетаскивать новые камни поближе к стройке. Гийс присоединился было к ним, однако Хейзит наставительно заметил, что даже здесь каждый должен заниматься своим делом, а если Гийс тут для порядка и безопасности, то именно о порядке и безопасности он и должен заботиться.

Когда наконец подошли Брук с мергами и дровосеками, на строительстве сразу сделалось шумно. Хейзит отправил взмокшего Исли на кухню, а сам пошел помогать разгружать сани с бревнами. Брук ответил на его приветствие равнодушным кивком и, не спешиваясь, отдал приказ своим людям накормить лошадей. Гийс поджидал его у входа в загон. Они о чем-то накоротке переговорили, и Хейзит увидел, что Брук в сопровождении двух помощников направляется галопом к карьере. Хорошо, если они общими усилиями все-таки сумеют совладать с дерзкими

ми землекопами. Можно, конечно, обойтись и без тех, но для быстроты работы лучше, если глину, тем более в непростых зимних условиях, будет добывать тот, кто этому обучен.

Обежать сели, как ни странно, все вместе. Под навесом рядом с пылающими печками было тепло и уютно. Хотелось сидеть вот так до ночи, ничего не делая и только пережевывая вкусную сваренную с овощами рыбу, а потом завалиться спать, проснуться и обнаружить, что мастерская и печь готовы. И чтобы людей было много-премного, и все друг другу помогали, никто не отлынивал, и холмы из камней росли один за другим. И Локлан был бы здесь же, всех хвалил и подбадривал, а Олак взял бы на себя переговоры с посыльными от Скирлоха и Томлина так, что ему, Хейзиту, оставалось бы разве что радоваться справедливости жизни, красоте снега да улыбающейся Орелии...

— Ты там между делом не заснул, приятель?

Кто-то не слишком дружелюбно толкал Хейзита в плечо. А он как будто и глаз-то не закрывал. Бывает же! Глаз Хейзит, может, и не закрывал, но открыть пришлось. Сразу куда-то подевались Олак с Локланом. Погасла улыбка снова ставшей недостижимо далекой Орелии.

Рядом с ним сидел Брук, озабоченный и еще более свирепый, нежели всегда. Левая бровь его, перечеркнутая длинным бледным рубцом, нервно дергалась. Хейзит обычно старался избегать общения с ним, имея возможность в случаях необходимости действовать через Гийса, который с кем только не находил общий язык. Не помешай Хейзит их состязанию, и он бы наверняка в конце концов стал закадычным приятелем самого Конроя. Ну, почти наверняка.

— Ты обратно когда намерен двинуться, приятель? — поинтересовался Брук, дыша на Хейзита луком вперемешку с терпким кроком. Выпивать ни мергам, ни сверам не позволялось, тем более на службе, но кто же будет их проверять здесь, на самом краю населенной вабонами земли? Тем более если сам их командир раздобыл где-то целый бочонок соблазнительного отвара и при случае не теряет времени и исправно к нему прикладывается. — Если не скоро, то мне придется в замок гонца посылать.

— А что случилось? — выпрямился Хейзит. Спешить домой на этот раз он совершенно не собирался.

— Пока ничего. — Брук запустил костистую пятерню в седею-

щую посередине бороду и громко почесал подбородок. — Но может произойти, если не принять меры. Так ты как?

— Посылайте гонца. Мне тут много дел сделать предстоит.

— Охотно верю, — хмыкнул Брук. — Тем более что и спится тут у нас отменно.

Хейзит окончательно стряхнул с себя сон и хотел было ответить на дерзость, но собеседник уже поднялся с лавки и, как все сверы, тяжело переступая по снегу, направился к загону, где его поджидала группа из четырех всадников. Хейзит наблюдал, как один из них понимающе кивает, машет кому-то рукой и неторопливой рысцой пускает коня в сторону замка.

— Что они там обнаружили? — задал он вопрос Гийсу, когда тот через некоторое время подошел проведать его на лепке лиг'бурнов. Хейзит тщательно укладывал вязкую глину в деревянный каркас без крышки и дна, проверял, чтобы внутрь не попадали посторонние камни и песок, разравнивал поверхность, снимал каркас — и вот уже будущий камень среди себе подобных на широком железном подносе отправлялся в раскаленную пасть печи. — Брук тебе не рассказывал?

— Следы.

— Что «следы»?

— Они наткнулись на следы лошадей. Прямо там, на опушке, не заходя глубоко в лес. Следы многих лошадей. Не меньше десятка. — Гийс говорил спокойно, но при этом взгляд его, устремленный на озадаченного собеседника, выдавал волнение.

— А не могли это быть их собственные следы? — с надеждой предположил Хейзит.

— Следы-то на снегу. Свежие. А они сами только подошли. Не могли. Брук говорит, он, пока дровосеки делом своим занимались, попробовал проследить, откуда следы ведут, но они терялись в лесу. Нехорошие следы.

— А если их оставили наши мерги, ну, из тех, что на заставу отправились?

— Мы с Бруком так не думаем. Посуди сам, с какого перепугу они, вместо того чтобы вернуться домой, мечутся по Пограничью? Не к шеважа же переметнулись. А тем, если на то пошло, их кони отродясь не нужны. Брук говорит, если шеважа случится коня какого отбить, они его не сядают, а убивают и едят всем племенем. Верхом по лесу они никогда ездить не станут. А тут целый десяток.

— Тогда чьи же это следы?

— В том-то и вопрос.

Хейзиту невольно пришла на ум встреча в Пограничье с загадочным воином в черном панцире, с железной рукавицей на левой руке и в соломенной шляпе. Тогда странный всадник ничего ни ему, ни его друзьям, с которыми они бежали с погибшей заставы, не сделал, однако оставил в памяти всех неизгладимое воспоминание о какой-то внутренней, ничем не проявленной силе. Сколько Гийс сказал? С десяток? Если таких воинов наберется десяток и все они разом нападут на них из леса пусть даже не под покровом ночи, а солнечным днем, едва ли им сдобровать. Брук хоть и похож на воина, у которого слова не расходятся с делом, а случись ему сойтись врукопашную с кем-нибудь из эльгяр, которых довелось повидать Хейзиту во время короткой службы на заставе, хоть с тем же Фокданом, еще неизвестно, кого бы пришлось уносить с поля брани. Что и говорить, иногда, вспоминая сгоревшую заставу, Хейзит сокрушался, что так мало успел набраться там боевых знаний, которые могли бы пригодиться ему сейчас, в мирной разведке по названию жизни. Неужели его судьба — вечно оставаться пусть и толковым, но заурядным гончаром, мальчишкой, не умеющим постоять за себя перед лицом вооруженной угрозы или на худой конец — превосходящей силы? История про следы возле леса и память о странном всаднике угнетающе повлияли на него, если не сказать больше — он испугался.

К счастью, всецело предаваться охватившему его чувству страха у Хейзита не было ни желания, ни времени. Короткие дни требовали ловить каждый лучик солнца как радость, особенно если этот лучик пробивался сквозь серую муть над головой. В однообразных трудах вечер наступал незаметно, наваливаясь тьмой и вынуждая последние часы перед сном видеть окружающее в зыбком свете прожорливых костров.

До ночи плотники успели полностью зашить досками одну стену будущей мастерской. Однако предательский ветер изменился, и теперь она не спасала тех, кто решил спать под ее прикрытием. Хейзиту совсем не улыбалось идти на постой к землянкам, проситься на ночлег в землянку и в очередной раз признаваться в своей слабости. На ум приходила теплая комната в материнском доме, мягкая постель, вкусные подношения сестры... Нет, только не раскисать! Никто не обещал ему жизнь без труд-

ностей. Чтобы что-то в конце концов заполучить, нужно чем-нибудь пожертвовать. Даже те, у кого на первый взгляд есть все, многого не имеют. Кто совести. Кто чести. Кто любви. Кто душевного спокойствия. Спокойствия и любви не было и у Хейзита, однако он мысленно подбадривал себя тем, что трудится именно над их скорейшим приобретением.

Слово «скорейшее» ему не слишком нравилось, поскольку он слышал от какого-то мудрого человека, не то от Харлина, не то от Ротрама, что любой жизненной цели необходимо «вылежаться», устояться в сознании, стать таким образом настоящей, выстраданной, потому что только тогда ее достижение принесет человеку истинное удовлетворение. Быстро достижимая цель и не цель вовсе, а так, легкая сиюминутная задачка. Ее решение не позволяет говорить о том, что ты многое приобрел.

Хотя, конечно, чего греха таить, Хейзиту хотелось любви. Быть может, даже сильнее, чем спокойствия. А сейчас он и не знал толком, чем было увлекшее его поначалу чувство к неразгаданной до сих пор Орелии. Девушка нравилась ему внешне, очень нравилась, не могла не нравиться, поскольку сознавала свою женскую привлекательность и делала все, чтобы ее постоянно замечали окружающие. Однако во время их коротких встреч и ничего не значащих бесед Хейзит невольно старался представить ее не просто соблазнительной красавицей, но и своей женой, с которой они бы постоянно были вместе, и не мог. Для него Орелия оказалась одной из тех, кем до скончания века хочется любоваться... на расстоянии и с кем не отваживаешься связать свою жизнь навсегда. Вероятно, и здесь он ошибался, наверняка она была не такой, какой казалась, но, чтобы в своей ошибке убедиться, необходимо было отважиться на решительный шаг. А Хейзит не отваживался, предчувствуя разочарование. Поэтому исчезновение Орелии из его поля зрения оказалось во многом спасительным для него, для его, опять же, душевного спокойствия. Как ни странно, за судьбу девушки он не переживал, поскольку, где бы она ни была, с ней сейчас не только Локлан, но и ее отец, верный и надежный воин.

Так мысль Хейзита всю ночь шла по замкнутому кругу, неизменно приводя в исходную точку: важность овладения хоть какими-нибудь навыками ведения боя. Чтобы стать сильнее, смелее и увереннее в себе. Чтобы в свою очередь не пропустить во второй раз случай и обрести наконец-таки заветную любовь.

Исполненный решимости, Хейзит воспользовался гостеприимством Гийса и переночевал в шатре, добротнo сшитом из звериных шкур. Такие шатры довольно быстро возводились на каркасе из длинных жердей и были хороши всем, за исключением отсутствия пола. Когда укладывались в вырытые в земле ямы, застланные душистыми еловыми ветками, привезенными прозрачными мергами с опушки Пограничья, Гийс поведал приятелю, что шатровое искусство, насколько ему известно, виггеры без зазрений совести позаимствовали в свое время у шеважа. И хотя пользовались шатрами редко, в продолжительных походах или, как сейчас, в случаях вынужденного простоя вне Стреляных стен, всегда прихватывали с собой шкуры, а иногда и жерди. Хейзит справедливо возразил, что, мол, по его сведениям, шеважа предпочитают селиться вовсе не на земле, а высоко на деревьях. Гийс встретил его замечание ухмылкой знающего человека и высказался в том смысле, что простые жители Вайла'туна отнюдь не обременены исчерпывающими знаниями о природе вещей вне их каждодневного обитания.

— Это Ворден тебя таким словесам научил? — поинтересовался Хейзит, поворачиваясь на бок и в который раз понимая, что иначе как на спине в этой яме не заснуть. — Интересно, что является моим «каждодневным обитанием»? Уж точно не этот шатер. Значит, я имею шанс обременить себя новыми знаниями. Ты как считаешь?

Гийс уже никак не считал, он крепко спал. Ему предстояло отсыпаться до того момента, когда среди ночи его разбудят и позвут на смену стражи. Брук распорядился усилить бдительность. «Еще бы кто поступил по-другому, — думал Хейзит, — если у тебя под боком разгуливает десяток неизвестных всадников». Сам он тоже решил не залеживаться и встать с рассветом. Во-первых, у него не было уверенности в том, что спанье на еловых ветках не приведет к болям в спине, а во-вторых, ему не терпелось сделать рывок в строительстве печи, поскольку он слишком отчетливо осознал за прошедший день, что если не он, то никто больше делать усилий здесь не намерен. Даже Ниеракт. Особенно после того, как получил предупреждение в виде предложения продать свою гончарную мастерскую Скирлоху. Хейзит подумал, что завтра надо будет с этим вопросом разобраться. Сегодня у них не было времени толком поговорить. Завтра — обязательно. Затягивать с такими делами не стоит. Только

пока совсем непонятно, как к этой задаче подступиться. Не воевать же со Скирлохом. Эх, был бы рядом Локлан, он бы вмиг все решил! А так ну кому интересно связываться за здорово живешь с таким крупным ворюгой, как назвал его Исли? А еще Томлин! Эта парочка кого хочешь на вилы поднимет, моргнуть не успеешь. Разве что, действительно, встречи с Ракли добиваться. Посмотрим утром, с каким ответом вернется от него посыльный. Если, конечно, от него. Ведь есть же еще Тиван и этот — как бишь его Гийс назвал? — Демвер. Они тоже могут достойную парочку составить и без особых хлопот власть в самом Меген'торе занять. Кто их теперь всех разберет? Где враги? Где друзья? Вроде бы и не рыжие, а как поглядеть попристальной, так хуже шеважа бед доставляют. Дожили, называется...

Нет, завтра нужно обязательно Ниеракта поподробнее о произошедшем расспросить. Кто приходил, что говорил, о чем просил. Хейзиту уже в полусне показалось, что он нащупал возможное решение. Нащупал и снова упустил. Но ведь оно точно вот только что было тут, под самым носом. О чем он думал? О сговоре в замке между военачальниками против Ракли. Двое военачальников. Двое казнокрадов в лице Скирлоха и Томлина. И что? Две парочки. Все хороши. В чем же он увидел выход? Хейзит перевернулся на спину и почувствовал поднимающийся от земли холод. Нет уж, таким образом он точно заработает переохлаждение и завтра не встанет. Сел, расправил в темноте шкуру, служившую одеялом, половину подложил под себя, второй попытался укрыться. Пусть ноги на улице, зато спина как будто согревается. Снова жертва. Жертвовать целым ради половины. Точнее, наоборот: половиной ради целого. Что важнее, ноги или спина? Всегда говорят о том, что в тепле надо держать ноги. Про спину забывают. Но от ног — простуда. Простуда лечится питьем, и довольно быстро. А спину раз прихватит, и уже не отбрыкаешься. Хейзит, к счастью, мог судить об этом исключительно по рассказам, однако рассказывали ему те, кто испытал эти прелести на себе, вид порою они имели жалкий, поскольку боли никогда не уходили насовсем и частенько возвращались, так что выбор в пользу заботы о спине подтверждали многочисленные примеры. Только к чему это он? Ах да, где-то здесь скрывался выход из опасной ситуации с Ниерактом и его мастерской. Спина? Ноги? Бред какой-то! Может, он уже отлежал себе все что мог, а заодно простыл, и теперь у него жар? Нет, голова вроде бы ясная...

С ясной головой Хейзит заснул и с еще более ясной проснулся. Из щелей в потолке шатра тянулись косые нити солнечных лучей. Рядом никого не было. Зато с улицы доносился оживленный шум начатых без его участия работ. Откинув шкуру, Хейзит вскочил на подламывающиеся спросонья ноги и сразу понял, о чем не мог вспомнить всю ночь. Конечно, один способ справиться с торгашами, почуявшими огромную выгоду, есть. Если нет третьей силы, которая могла бы им противостоять, нужно сделать так, чтобы они сами противостояли друг другу. Вот откуда у него мысль, что стоит пожертвовать половиной ради целого. Пусть прямой связи не прослеживается, но зато теперь он знает, что следует делать в совершенно, казалось бы, безвыходной ситуации. Причем ему вовсе не нужно ничем жертвовать, иными словами, занимать сторону одного из противоборствующих лагерей. Да, не противоборствующих сейчас, но кто сказал, что объединяет их дружба, а не сиюминутный интерес? И что интересы таких предприимчивых людей никогда не меняются?

Отодвинув полог шатра, Хейзит зажмурился от слепящей белизны снега. Проспал! Нет, не проспал, конечно, но явно провалялся дольше положенного. Солнце давно уже выплыло на синее, без единого облачка небо и теперь поливало все вокруг теплым, почти весенним светом. Зато самые холодные рассветные часы позади. Вот бы еще вспомнить сон, который снился ему каждую ночь, но и забывался с предательским постоянством. Хейзит любил поспать. Любил с детства, а теперь — именно за то, что сон его в это беззаботное ощущение детства возвращал. Когда ты никому ничего не должен, зато все чем-то обязаны тебе. А ты живешь себе в свое удовольствие и обижаешься, если кто-то что-то тебе недодал: наконецник от сломанной стрелы, которым так удобно проделывать дырки в шкуре; вкусную лепешку, после которой бегаешь как угорелый и не хочется есть до самого вечера; любви, которой с такой щедростью делятся между собой отец с матерью, а тебя словно специально забывают приласкать, и ты срываешь ревность на кустах, беспощадно рубя их жужжащей над головой палкой. Были и еще какие-то детские чаяния и беды, но разве теперь, когда мир вокруг изменился, безжалостно утянув тебя за собой, их упомнишь? Теперь у тебя совсем иные радости и огорчения, от твоих решений зависишь не только ты, но и многие, кому еще вчера был безразличен, но кто уверенно копает под тебя сегодня. И ты не имеешь права сло-

жить руки, ты обязан искать способы сопротивляться, находить их и побеждать. Может быть, именно так чувствовали себя славные герои прошлого, в честь которых благодарные потомки поставили многочисленные беоры. Побеждая себя, свое малодушие, они получали право войти в легенду и остаться в памяти на века. Сознал ли Дули, что станет родоначальником самого прославленного Культа? Думал ли Эриген, что совершает поступок, за который молва сделает его вечным изгоем? Или герой тем и отличается от обычного смертного, что не думает о том, что совершает подвиг? В таком случае, Хейзиту такая доля не угрожала. Слишком часто ловил он себя на мысли, что делает великое дело: спасает свой народ от гибели в бесконечных войнах. И должен ради этого терпеть несправедливости и невзгоды — загадочных спутников успеха и славы. Звучало это фальшиво, героизма в том, чем он занимался и собирался заняться, не было никакого. Тем более что главное он уже совершил: сделал открытие, которое, если разобраться, лежало на самой поверхности, и он лишь его первым подобрал. Многие вабоны укрепляли свои деревянные избы глиной. Хейзит просто придал глине форму камня, да и то подглядев решение у старых мастеров. Кстати, интересно все-таки, насколько старых. Ведь в тех же легендах о героях нет-нет да и проскальзывал намек на то, что вабоны родом не из этих мест, а пришли и поселились в Вайла'туне почти на всем готовом. Значит, возраст каменных построек, то есть замка, превышает, и, похоже, значительно, возраст самых старых сказаний. Но кто тогда были первые строители, превратившие камень в неприступный бастион?

Ледяной снег, растираемый по лицу окостенелыми руками, в мгновение ока вывел Хейзита из мечтательного состояния и придал бодрости. Он слепил снежок, надкусил, как яблоко, пожевал, выплюнул воду. Мокрыми пальцами пригладил всклокоченные после сна волосы. Прикрыв ладонью глаза, огляделся.

Шум работ, разбудивший его и позвавший на улицу, стих. Поблизости не было ни души. Двое плотников, оседлавших крышу будущей мастерской, замерли и смотрели куда-то вдаль. Тишина и обездвиженность окружающего белого мира производили угнетающее впечатление. Так застывает воздух перед скорой грозой, когда еще даже не видно черных туч, но уже ощущается невыразимая словами тревога.

Хейзит попытался увидеть, на что смотрят плотники, однако

высокая стена мастерской загораживала от него большую часть Пограничья и дальнюю половину берега.

— Куда все подевались? — крикнул он.

Один из плотников вроде бы оглянулся на него, однако тупо промолчал и только пожал плечами. Хейзит выругался. Иногда ему казалось, будто окружающие живут где-то в ином мире, отличном от того правильного и простого, который знал он. Почему нельзя ответить на обычный вопрос? Зачем играть в странную молчанку? Хейзит захрустел по снегу в обход стены, наткнулся на приставленную к балкам потолочного перекрытия лестницу и не нашел ничего лучше, как взобраться по ней на крышу. Отсюда все пространство до леса как на ладони, однако все самое примечательное разыгрывалось в непосредственной близости к карьеру.

Землекопы, побросав работу, вылезли на поверхность и теперь стояли понурим полукругом, сжимая в руках заступы, кирки и лопаты. Им в продолжение выстроились вооруженные кто чем строители и безоружные гончары в неизменных фартуках. Все вместе они образовали размашистую дугу, внутри которой плотной группой стояли конные мерги.

Хейзит подумал, что когда-то он все это уже видел. И белый снег, и невинно-голубое небо, и растерянные фигуры людей, выстроившиеся не то полумесяцем, не то гнутой подковой. И медленно вползающее внутрь этой подковы небольшое войско, сплошь состоящее из широкоплечих всадников на могучих конях...

Тела всадников с головы до ног облегали чешуйчатые доспехи, празднично искрившиеся на солнце. Такими же чешуйчатыми были широкие попоны на лошадях, надежно защищавшие бока и шеи животных. Казалось, будто из вод самой Бехемы вышла эта стая четвероногих рыб о двух головах, которая теперь невозможно вклинивалась в расположение вабонов.

Хейзит сразу понял, что видит представителей какого-то иного народа, не имеющего отношения ни к обитателям Вайла'туна, ни к рыжим шеважа, ни к странному одинокому всаднику из Пограничья. Они были другими. И отнюдь не только потому, что на свой лад носили доспехи, а головы укрывали причудливыми шлемами с подобием петушиных гребней из довольно длинных разноцветных лент, полоскавшихся на ветру радужными косами. В них все было нездешнее, чужеземное, непредсказу-

емое. И притягательное. Уже одно то, с какой невозмутимостью приблизились они к застывшим с мечами на изготовку мергам, красноречиво говорило о них как о бесстрашных воинах.

Иноземцев было семеро. Они держали строй четким клином: один всадник впереди, еще по двое — с боков, один — сзади и последний, самый высокий и мощный, — в середине. Чешуйки на нем и на его коне не блестели железом, а были выкрашены попеременно в черный и ярко-оранжевый цвета, отчего он еще больше походил на петуха, если бы не отсутствие гребня. Вместо лент его черный шлем венчали два витых рога: оранжевый и зеленый. За спиной, не то притороченный к седлу, не то закрепленный между лопатками, трепетал узкий длинный флаг, тоже черный, в двух местах перечеркнутый косыми зелеными полосками.

Вооружены все семеро были одинаково просто: в руке — обоюдоострое копьё, короткое и, вероятно, легкое, если сравнить его с копьями свергов, на бедре — стянутый кожаными ремешками кистень, то есть в локоть длиной палка, заканчивающаяся цепочкой, другой конец которой венчало подобие приплюснутого с боков яблока, вырезанного из прочного дерева или кости. Вабоны подобными кистенями почти не пользовались, предпочитая для ближнего боя железные мечи, однако Хейзиту приходилось видеть кистени в богатой лавке Ротрама, друга семьи и торговца всевозможным оружием. Собственно, если бы не Ротрам, он едва ли знал бы, как эти штуковины называются. Кстати, торговец считал, что говорить «кистень» неправильно, а правильно — «костень», потому что по правилам ударный шар, «отвис», должен делаться именно из кости. В народе кистени вообще назывались цепами: фолдиты использовали их в хозяйстве для молотьбы. Вероятно, именно поэтому воины считали ношение кистеней ниже своего достоинства. Чего никак нельзя было сказать о чужеземцах. Наблюдательный Хейзит заметил, что для всадников прикрепленный таким образом к ноге кистень служил еще и дополнительным доспехом, предохранявшим ноги от боковых ударов. Основной же защитой всем служили небольшие, если не сказать маленькие, по сравнению с крупными фигурами, железные щиты круглой формы. В центре круга на каждом был выдавлен изнутри причудливый крест с кривыми загогулинами на концах. Как будто четыре ноги шли по кругу одна за другой. Глубокие вмятины убедительно свидетельствовали о том, что щиты нужны были всадникам не только для украшения.

Семеро незнакомцев держались в окружении значительно превосходящих их сил спокойно и с достоинством. По-видимому, откровенное бесстрашие и было той единственной преградой, которая не позволила отряду мергов во главе с Бруком, гарцующим сейчас на красавце-коне чуть поодаль от остальных, сразу обрушиться на чужеземцев всей своей мощью, а заставила хмуρο бездействовать в настороженном ожидании развязки.

Всадники остановились. Тем временем Хейзит чуть не кубарем скатился с лестницы в снег и, сколько хватало сил, помчался к месту неожиданной встречи. Он не знал, что произойдет, но спешил, боясь упустить какой-нибудь важный момент, а о том, что не вооружен, вспомнил, лишь когда очутился внутри смыкающегося кольца между Конроем с его землекопами и возбужденно переступающими на месте конями мергов. Здесь только он остановился, чтобы перевести дух и подумать, чем же может пригодиться. Его сбил с мысли посторонний запах. Сладковатый, терпкий, приятный. Перебивавший запахи лошадей и людского пота. Возникло ощущение, будто вышел из непроходимой чащи на лужайку ароматных цветов.

Источник запаха мог быть только один, но это означало, что, несмотря на всю свою храбрость и внушительный вид, иноземные воины пользуются какими-то женскими притирками. Вабоны умели получать благовония, а с лотков на рынке они в некоторые дни, особенно накануне праздников, уходили явно втридорога, однако покупателями были главным образом эдели да их расфуфыренные жены. Простой люд над ними посмеивался, предпочитая не тратить деньги на цветочные выжимки, а почаще мыться.

Рогатый всадник что-то говорил. Говорил громко и отчетливо, но слова его лишь озадачивали слушателей, потому что были непонятны и в любой другой ситуации могли бы вызвать смех. Когда он закончил и указал рукой за спины сотоварищей Хейзита, туда, где над Бехемой возвышался неприступный замок, слово взял Брук.

— Я уж не знаю, что ты там нагородил, приятель, но только дальше этого места тебе и твоим разноцветным игрушкам не пройти. Ты не можешь сказать, кто ты и откуда, да нам с мужиками оно все равно. Поворачивай давай коня и чеши восвосяи, пока мы тут ненароком не передумали.

Хейзит услышал, как кто-то из мергов тихо выругался. Дру-

гой вполголоса заметил, что, мол, было бы неплохо проверить прочность их чешуи.

Всадники не пошевелились.

Оказавшись на близком расстоянии, Хейзит теперь имел возможность разглядеть лица, хищно перечеркнутые сверху вниз длинными наносниками, похожими на железные клювы. Все воины носили окладистые светлые бороды, у всех из-под навесий шлемов внимательно смотрели ясные голубые глаза, кроме разве что предводителя, да и то лишь потому, что его лицо до половины прикрывало подобие маски из металлических пластин с раскосыми прорезями. Кстати, и борода у него, в отличие от остальных, была каштанового цвета с двумя тонкими струйками седины на подбородке.

Выслушав негостеприимную речь Брука, он наклонил двурогую голову, став похожим на добродушного бычка, а когда снова поднял лицо, рот его улыбался двумя рядами ровных — на зависть любому вабону — зубов. Хейзиту этот оскал показался недобрый знаком. Миром такие сходки едва ли заканчивались. А ведь они еще ничего толком не успели построить, столько дел, непочатый край...

— Погодите вы! — крикнул он, обращаясь не то к своим, не то к чужим. — Повоевать еще успеем. — Он протиснулся между боками коней и оказался впереди мергов. Повернувшись к ним лицом, поднял руки. — Вспомните старую поговорку: чтобы сделать меткий выстрел, кроме лука должна быть цель. Ты, Брук, стреляешь метко, но не знаешь куда. Не помешало бы выяснить.

Он оглянулся на чужеземцев. Те с интересом ждали продолжения. Маленький человек стоял перед ними, тыкал себя кулаком в грудь и повторял:

— Хейзит. Хейзит.

Рогатый всадник указал на него черной кожаной рукавицей и попробовал повторить:

— Хей... Хей-зит.

Слово ему как будто понравилось, и он поделился им со своими спутниками:

— Хейзит.

— А ты? Тебя как зовут? — Хейзит сопроводил вопрос красноречивым жестом, словно намеревался заколоть рогатого голой рукой.

В ответ он услышал раскатистое и непривычное для уха:

— Яробор.

— Ну вот и познакомились, — сквозь зубы молвил за спиной Хейзита Брук. — И что теперь, целоваться?

Хейзит не обратил на него внимания. Его невольно охватило чувство, будто он присутствует при рождении нового человека. При нем, благодаря ему вершилось таинство познания неведомого. Нечто подобное он испытал, когда прозрел в башне Мегентор и понял, как нужно делать глиняные камни. То ощущение показалось ему верхом блаженства, которое невозможно повторить. И вот он снова ощущает знакомую слабость в животе и приятное головокружение. Сейчас ни один Брук не мог ему помешать.

Хейзит обвел рукой стоящих за ним насупленных сородичей и сказал, глядя снизу вверх на Яробора, с трудом сдерживающего застоявшегося коня:

— Вабоны.

Яробор переглянулся со всадником слева от себя. Тот что-то буркнул под нос. Стоявший во главе клина и не сводивший глаз с противников отрывисто рывкнул, да так, что лошади мергов вздрогнули и попятились.

— Азз *венедда*, — с достоинством наклонил голову Яробор и добавил: — *Чур венедда слави правь да навь помяни. Разбрати?*

Хейзит пожал плечами, хотя ему показалось, что слова незваного гостя содержат в себе определенный смысл. Где-то, может быть, он слышал нечто подобное. Не иначе как во сне. Между тем Яробор внушительно поднялся на стременах и, снова указав концом копья в сторону отчетливо белеющего на фоне голубого неба замка, громко выдохнул:

— *Живград!*

— Это ты, братец, загнул! — снова повысил голос Брук. — Вайла'тун всегда был и Вайла'туном останется. Пшел вон, вонючка!

Можно было не понимать слов, но как было не понять окрик? Хейзит с нескрываемым ужасом смотрел на огромную железную перчатку, словно соломинку сжимавшую увесистое древко вражьего копья. Один взмах — и Брук даже не успеет сообразить, кому он обязан столь скорым знакомством с Квалу. Со стороны казалось, что вабоны имеют заметный численный перевес, но почему Хейзита сейчас не покидает ощущение: это они попали в западню, а вовсе не семеро чужеземцев? И если грянет бой, то достраивать печь, скорее всего, будет некому.

Хейзит с поднятыми руками шагнул вперед. Его жест должен был красноречиво указывать на то, что он безоружен и уж тем более не представляет опасности. Подлого удара можно было ждать разве что в спину. Ему представлялось, будто он кожей чувствует обращенные на него взгляды: изумленные впереди и злобные — сзади. «Гийс, не подведи меня! Ты ведь знаешь, что я могу рассчитывать только на тебя, дружище. Не дай им встать у меня на пути...»

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил напарника плотник, ерзавший на не предназначенной для долгого сидения крыше. — О чем так долго можно с ними говорить? Посшибать им рога, засунуть ленточки в задницу и пустить на все четыре стороны.

— Наш-то, наш-то, гляди, расхрабрился! Не дает Бруку делом заняться. Того и гляди позволит этим рыбешкам уплыть восвосяси.

— Похоже, все к тому идет. Уж на что я премудростям мерговым не обучен, а и то знаю, что нельзя эти морды отпускать. Уйдут — потом в десять раз больше с собой пригонят. Они ж, вроде, так и собирались с ними поступить...

— Кто ж знал, что этот локлановский приятель всю песню испортит! На месте Брука, я б его ща чем-нибудь потяжелее ка-ак огулял! Чтоб не в свои дела не совался.

Неизвестно, сколько бы плотники еще проговорили в таком духе, если бы не услышали позади себя лихой свист и нарастающий топот множества копыт. Оглянувшись, оба с восторгом увидели, как от замка по чернеющему проталинами снежному полю к ним мчит долгожданное подкрепление: добрая дюжина легковооруженных всадников на стремительных конях, истосковавшихся по быстрому бегу и вольному ветру. В их намерениях мало кто мог бы усомниться: так летят не просто на выручку, но для того, чтобы, не сбавляя хода, врезаться во врага и смести его с лица своей земли. Если, конечно, враг не успеет раньше дать деру. Как то обычно бывало с рыжими ублюдками.

И как почему-то не произошло сейчас.

— Гляди, гляди, чего это они? — обомлел первый плотник.

— Жить куклам надоело! — радостно заключил второй, предвкушая веселое зрелище.

Потому что вся семерка дружно, как один, тронулась с места, но не вспять, откуда недавно пожаловала и куда ее уход был предопределен, а навстречу новой угрозе. Причем по пути клин без

видимых усилий раздвинул, точнее, разметал в стороны оказавшуюся зыбкой преграду в виде Брука с его мергами и, опрометчиво оставляя в тылу сдвигающиеся фланги землекопов, устремился вперед, в лоб приближающемуся отряду.

— Эвона! Иди ты! — только и успели обменяться впечатлениями плотники, когда разогнавшиеся во всю прыть подкрепление на полном скаку налетело на чешуйчатый клин и... было в мгновение ока прорежено засвистевшими в воздухе кистенями, пропорото непоколебимыми копьями и отброшено почти детскими с виду щитами.

Непривычные к виду ристалищ плотники поразились той ярости, с какой закипела битва, закипела без разогрева, без угрожающих криков и проверки вражеской силы, как могли они себе представить по многочисленным рассказам охочих до подробных воспоминаний приятелей-виггеров. Надо отдать должное и всадникам из подкрепления: кто не пал сразу же, после первого сшиба, тот нашел в себе силы моментально перестроиться и грянуть на врага единым строем с обоих флангов. На подмогу пришел десяток, трое или четверо теперь барахтались в мокром снегу под копытами лошадей, остальные, рассеченные клином, по трое атаковали чужеземцев, двое из которых были явно ранены и отбивались через силу, стараясь прятаться за щитами и конями товарищей.

— Гляди, гляди, Брук жив! — кричали с крыши ошалевшие от зрелища перерубленных конечностей, разбитых в месиво лиц и кровавых фонтанов из рассеченных шей плотники.

Они видели, как свер, сбитый копьем с коня в первый же миг боя, тяжело встал на ноги, развернулся к дерущимся и, положив длинный меч лезвием на согнутую под грудью руку, с воплем, больше похожим на рык раненого зверя, бросился закалывать ближайшего коня. Ему это удалось, и конь рухнул, увлекая за собой орущего что-то на своем языке всадника. Брук выпустил меч, поднявшийся среди сечи одиноким крестом, выхватил из-за голенища обоюдоострый кинжал и буквально нырнул, как в воду, в самую гущу дерущихся.

Один из плотников слишком живо представил себе, что будет с ним, если от чужеземцев не удастся отбиться, и незаметно для самого себя обильно обмочился.

Хейзит очнулся и услышал сквозь шум в голове далекий лязг железа.

Гийс не сразу заметил, что ловко орудующий рядом с ним тяжелым заступом не кто иной, как его вчерашний противник — Детка-Конрой.

Исли вытащил из-под шкур в повозке свой неизменный арбалет, но сейчас, бросив его там же за ненадобностью, спешил на подмогу, размахивая обычной дубиной. Стреляя из арбалета с такого расстояния, он запросто мог промахнуться в этой человеческой каше. На счету был каждый воин.

Ряды землекопов, гончаров, строителей и дровосеков сокнулись в единое кольцо.

Чужаков стаскивали с коней на землю, обступали и рубили, кололи кто чем мог.

Гийс невольно удивился, как трудно пробить с виду не такие уж прочные чешуйчатые доспехи. Копья и мечи предательски соскальзывали, и только топоры, если удавалось сделать хороший замах и угодить куда-нибудь в плечо или бедро, приятно чавкали, разрубая орущую плоть.

Конрой чудом увернулся от кистеня, охнул, присел и краем глаза заметил подлетающее справа копьё. Направлявший копьё целил ему прямехонько в шею.

Исли с размаха обрушил дубину на рогатый шлем. И не заметил, как в последнее мгновение шлем чудом уклонился. Потому что острая боль в собственной ноге заставила толстяка выронить оружие. Лезвие чьего-то кинжала, может быть, даже дружественного, попало в кость и переломилось.

Хейзит рукавом стер с глаз не то свою, не то чужую, но очень мешающую видеть кровь, пошарил вокруг себя свободной рукой, нащупал увесистую и неожиданно удобную рукоятку потерянного кем-то из врагов кистеня и поднялся с колен. Как раз вовремя, чтобы увидеть рогатый шлем на голове человека по имени Яробор. Человек этот, почему-то оставленный без внимания обеими сражающимися сторонами, подтянул к себе за уздечку упирающегося от страха коня, взгромоздился в седло и, крикнув что-то раскатистое и пронзительное, устремился прямо на Хейзита.

Вечером того дня, укладываясь спать в обнимку с топором и стараясь не поворачиваться на отбитый левый бок, Хейзит все явственней понимал, что не оказался в объятиях Квалу лишь по необъяснимой случайности. Рогатый всадник мог бы одним махом рассечь его от плеча до чресел, как то делали со вставшими на

пути их жестокого отступления другие лентоносные конники, вмиг вооружившись кривыми палашами, до сих пор остававшимися пристегнутыми к надушенным седлам и оттого незаметными постороннему глазу. Железные молнии взлетали над головами зазевавшихся виггеров, разя без промаха, со свистом, и уносились прочь в красных брызгах снега. Яробор просто-напросто пожалел его. Сбил с ног крутым боком коня и, не оглядываясь, гикая и улюлюкая, умчался следом за своими.

В пылу битвы Хейзиту казалось, что подоспевшая подмога расправилась если не со всеми нападавшими, то с большинством. Каково же было его искреннее удивление, когда, отдышавшись, он обнаружил, что чужеземцев полегло всего трое. Не чета доброму десятку доблестных вабонов, оставшихся лежать под потепевшим к полудню солнцем. Те же, кто уцелел в отчаянной рубке, были ранены, одни не смертельно, как он, другие — гораздо серьезнее. Еще двое, дровосек и землекоп, испустили дух, когда их пытались донести в укрытие шатров. У дровосека был расколот череп, а землекоп тихо истек кровью, лишившись правой руки почти до самого плеча. Хейзит видел происходящее лишь краем глаза, потому что вместе с Гийсом, поплатившимся несколькими довольно сильными, хотя и не смертельными порезами рук да здоровенной шишкой на голове, возился с ногой бедняги Исли. Сейчас, в темноте нахлынувшей ночи, ему совершенно не хотелось снова вспоминать, как они разрезали почти до колена кожу, выворачивали на дрожащей от напряжения икре розовое мясо и обыкновенным гвоздодером с криками и руганью вытаскивали обломившееся острие лезвия. Как прижигали и заматывали тряпками рану, а потом приводили в чувство лишившегося сознания Исли.

Чудом уцелевший Брук, с разбитой губой, потерявший уйму зубов, теперь по-стариковски злобно шамкая, настаивал на том, что необходимо все здесь бросить и отступить под защиту замка, поскольку ну не могли сюда просто так прийти семь каких-то храбрецов, которых он, разумеется, назвал не храбрецами, а ублюдками и тварями, и, значит, теперь в любой момент жди, что сбежавшие вернуться с нешуточным подкреплением. А у них вон сколько народу полегло, да и на тех, кто остался, полагаться не приходится. Вон они валяются и стонут. Какие из них, тэвил, во-яки?! Слезы одни! Разве можно было их отпускать? Он-то делом был занят ратным, зубы вон в жертву последние приносил, а они

куда все смотрели? На него мало кто обращал внимание. А те, кто обращал, например, Хейзит, не соглашались. Нет, в замок, разумеется, нужно ехать, причем незамедлительно, но лишь затем, чтобы засветло вернуться с новой подмогой. Карьер, почти готовую мастерскую и уже всю возводимую большую печь нельзя же вот просто взять и оставить каким-то уродам с ленточками да рогами. Тем более что уроды уродами, а драться умеют будь здоров — потом обратно ничего не отобьешь, если до этого дойдет. Не бросать строительство надо, а спешить достраивать, укреплять и оборонять. Так что сам Хейзит никуда отсюда не двинется, хоть режьте. Резать его никто не стал, а пришедший неизвестно откуда и непонятно как держащийся на ногах Конрой с привязанной к телу левой рукой и отсеченным, но уже не кровоточащим левым ухом неожиданно поддержал его и заметил, что в замке пока понятия не имеют о том, что тут у них случилось. Поскольку подкрепление пришло в ответ на рассказ всего лишь об обнаруженных чужих следах. С ним согласился Гийс, и Бруку после коротких и невнятных пререканий пришлось покориться. Гийс даже нашел в себе силы пошутить и шепнуть на ухо Хейзиту, что, мол, воеводы без зубов не бывает. Решено было послать, как ни странно, Исли и еще одного гончара, которому Ниеракт отдал свою подводку, чтобы на двух повозках перевезти хотя бы особенно тяжело раненных.

Провожая Исли, подсаживая его в телегу и помогая поудобнее устроить распухшую после операции ногу, выпрямленную и на всякий случай привязанную к палке, чтобы лишний раз не гнуть, Хейзит держался спокойно и нарочито бодро, чтобы постанывающий от боли приятель ни в коем случае не думал о скором возвращении, а по приезде оставался дома и сколько надо, столько и занимался собой.

— Куда ты попрешься с такой культей, дружище? — спросил он, похлопывая Исли по плечу. — Ногу потерять хочешь?

— Тэвил, а кто тебе камешки твои возить будет? Кто готовить станет?

— Да ты что! После того, что сегодня произошло, тут такое начнется, — убеждал сам себя Хейзит. — Завтра столько виггеров понагонят, что, если надо, руками все перетаскаем. Не бери в голову!

Когда повозки понуро укатили, Хейзита обуяла нервная дрожь. Чем больше он говорил вслух о скорой подмоге, тем от-

четливее понимал, что надеяться на нее — все равно что ждать возвращения Локлана. Потому что даже если завтра утром подкрепление придет, никого из них в живых может уже не застать. Ночь будет очень долгая. И бессонная. Топор согрелся в его объятиях, а он все открывал глаза и изучал прорехи в шатре, через которые украдкой проникал свет звезд. Ночь выдалась на удивление ясная. Кроме того, они с Бруком и Гийсом решили до утра жечь костры, чтобы произвести на возможного врага ощущение многочисленности защитников карьера и готовности к отражению новых атак. Все это было наивной хитростью, которую мог бы легко разгадать любой вражеский лазутчик. Те, кто хорошо умел владеть оружием, либо страдали от полученных ран и ни о какой битве не помышляли, либо были увезены в беспамятстве в Вайла'тун, либо уже не страдали вовсе.

Вошел Гийс.

— Не спишь?

— Сплю.

— Понятно. А вот я бы сейчас вздремнул. Не думаю, что нам сегодня что-нибудь еще угрожает.

Хейзит приподнялся на локте, пытаясь разглядеть в темноте силуэт друга.

— Звезды слишком яркие, — пояснил тот, опускаясь на колени в центре шатра и доставая из-за пазухи подмигивающий алым оком уголек. — Вся местность хорошо просматривается. Не пойдут они больше, вот увидишь. До утра дотянем.

Он высыпал на землю горку стружек, просунул уголек между ними в самую середину и стал дуть. Появилось пламя, и мир внутри шатра ожил.

— За дровами сходить? — предложил Хейзит, вставая.

— Да лежи ты, — отмахнулся Гийс, встряхивая мешок, который, судя по всему, принес с собой, и с приятным стуком вываливая перед рождающимся костром никак не меньше двух дюжин аккуратных коротких чурок. — Нам тут только сырых дров не хватало. Я вот самые сухие надыбал. От них дыма не будет. Лежи.

Хейзит сел на ветки, скрестил ноги и положил подбородок на рукоятку перевернутого топора.

— Как думаешь, — заговорил он, когда огонь разгорелся, действительно давая приятное тепло и нисколько не дымя, — кто это был?

Гийс потер кулаком подбородок. У него начинала пробиваться первая поросль бороды, и он, гордясь этим обстоятельством, то и дело привлекал к нему внимание окружающих.

— Если вернемся в Вайла'тун живыми, надо будет порыться в старых летописях. Может, там что сказано. Мне про подобных людей ничего слышать не приходилось.

— На нас похожи, — заметил Хейзит.

— Да, но только очень отдаленно. — Гийс поправил палкой распадающиеся дрова и подложил еще. — Ты видел, какого они роста?

Хейзит видел. Всех троих павших врагов раздели, однако их доспехи никому из вабонов не подошли. Оказались слишком велики. Сгодились разве что шлемы, кстати, очень похожие на их собственные. Один был вообще точной копией шлема Гийса с узкими прорезями для глаз. Другой отличался тем, что имел два дополнительных внешних обода для прочности, как у бочки. Третий выглядел особенным и наименее удобным: он закрывал голову и шею полностью, как ведро, разрез толщиной в два пальца шел от нижнего края вверх, раздваивался под носом и расхождался, как крылья, на глаза. Кто-то пошутил, что он надежно защищает щеки. Будь он поменьше или вабоны покрупнее, кто-нибудь наверняка остановил бы на нем свой выбор, а так он в силу своей длины просто лежал на плечах примерявших его и не позволял толком повернуть голову.

— Они мне понравились.

— Что ты сказал?!

— Если бы не наши brave парни, которые налетели на нас, не подумав и не спросив, я бы нашел с ними общий язык. По-моему, они хотели проехать и спрашивали дорогу. Наверное, Живград — это название.

— Совсем рехнулся? Может, тебе к шеважа съездить, общий язык поискать? Я слышал, некоторые бабки умеют красить волосы в рыжий цвет. Глядишь, убедил бы дикарей отойти подальше.

— Смешно, смешно... — Хейзит протянул к огню ладони. — Почему все считают, что противника можно и нужно побеждать обязательно силой?

— Ты знаешь другой способ?

— Наверняка — нет. Но предполагаю, что можно побеждать, например, духом?

— Интересно, — Гийс прищурился, — и чем же дух, по-твоему, отличается от души?

— Душа — это то, что дает нам жизнь, — начал Хейзит, не уверенный в том, что знает, как закончить, — а дух... а дух не дает нам умереть.

Гийс промолчал. Ему вспомнился давнишний разговор с Ворденом. Они стояли на стене замка, разглядывали с высоты противоположный берег Бехемы, и Ворден пытался вдолбить в голову юного ученика, почему герои стали тем, кем стали. Он тогда произнес фразу, которая показалась Гийсу странной:

— Герой не знает, что он герой. Об этом узнают лишь его потомки.

Теперешнее упоминание Хейзитом смерти натолкнуло Гийса на новое понимание слов Вордена.

— Ты имеешь в виду, что дух — это храбрость, которая помогает нам вершить то, благодаря чему нас потом помнят?

Их прервали громкие голоса снаружи. Хейзит не заметил, как вскочил и взял топор наперевес. Гийс уже выскользнул за полог шатра. Бросившись следом, Хейзит оторопело замер на пороге, обнаружив, будто вернулось теплое лето: повсюду в черном воздухе порхали огненные светлячки. От неожиданности у него подкосились ноги. Началось! Снова привиделся ночной штурм заставы, когда дикари окатили их градом зажигательных стрел и в два счета решили исход боя, превратив его в жестокое побоище. Хейзит по привычке, о которой даже не догадывался, перевел падение в прыжок в сторону, откатился в тень и... наткнулся на Гийса, стоявшего здесь же.

— Ты чего это вытворяешь? — поинтересовался тот, протягивая другу руку. — Но смотрелось красиво!

Суть происходящего дошла до Хейзита сразу, как только он стяхнул с себя навязчивый поток страшных воспоминаний и пригляделся к «светлячкам». Это были не вражеские стрелы, а факелы, сновавшие повсюду. И носили их обычные вабоны, его соплеменники, причем в большинстве своем женщины, рыдающие, завывающие и не желающие обращать внимания на уговоры мечущихся следом за ними мужчин. То были вдовы и матери павших воинов. Хейзит без помощи притихшего в тени Гийса сообразил, как и почему все это произошло. Исли с повозками и ранеными вернулся в Вайла'тун. Сразу прошел слух о битве. Примчались те, чьи дети и мужья могли быть среди пострадавших.

Не найдя любимых среди выживших, женщины не придумали ничего лучше, как прямо в ночь отправиться к карьеру. Успокаивающие их мужчины не были воинами из долгожданного подкрепления. Это были отцы и братья погибших. Теперь все они плакали, кричали друг на друга, пели заубойные песни — одним словом, привлекали как можно больше внимания со стороны шеважа и новых врагов.

Хейзит заметил в мелькании факелов знакомую ладную фигуру. Ее он рассчитывал увидеть здесь меньше всего. Ругнувшись для порядка и пытаясь всячески скрыть охватившую его радость, вышел из укрытия и поймал девушку за тонкую руку.

— Тэвил, какого рожна ты тут потеряла?

Признав брата, Велла бросилась ему на шею, прижалась всем телом, но сразу же отпрянула, изловчилась и больно саданула кулачком под ребра.

— Почему ты не вернулся домой? А? Мать чуть с ума не сошла. Почему, я тебя спрашиваю? — Теперь она дубасила его в грудь обеими руками, судя по всему, и за себя, и за мать.

— Эй, эй, эй, сестричка! — Хейзит, виновато улыбаясь, даже отступил под ее напором. — Еще немного, и тебе все-таки придется меня хоронить.

В объятиях брата Велла наконец обмякла и прошептала:

— Мы очень испугались, что ты ранен. Ты цел?

— Я не ранен. — Он чмокнул ее в лоб и вдохнул чистый запах волос. — А теперь вытирай слезы и топай домой, красавица.

— Нет!

— У нас тут и в самом деле бывает опасно. Ну зачем вы все сюда понабежали? Ты же понимаешь, что сейчас я не могу вернуться. Как бы ни хотел. Мне нужно во что бы то ни стало довести до ума печь. Жаль, сейчас темно и ты не видишь, какая она получается.

— Утром покажешь...

— Велла!

— Да, Велла. — Она смерила его смеющимся сквозь слезы взглядом с головы до ног. — Ты ведь не хочешь, чтобы я одной ночью шла домой. Потому что больше никто обратно не пойдет. Посмотри, что творится.

Хейзиту не нужно было смотреть. Он слышал. И понимал, что сестра, разумеется, права. Если не себя, то ее он наверняка смо-

жет защитить. Она у него единственная. И какая же красавица стала!

Велла взяла брата за руку.

— Давай уйдем отсюда. Мне больно за них. Вон женщина, видишь? Она всю дорогу надеялась, что найдет мужа живым и здоровым. А теперь рвет на себе волосы.

— Если и мне уготовано погибнуть, — сказал Хейзит, глядя сестру по волосам, — обещаю, что ни ты, ни мать не будете так жутко голосить. Ты ведь понимаешь, что это бессмысленно. А если он еще слышит ее, то ему во много раз тяжелее покидать этот мир.

— Если тебя убьют, мы должны что, радоваться? — Она зло стряхнула его руку с головы.

— Уж лучше радоваться, чем горевать. Воины гибнут, защищая вас, и вовсе не хотят, чтобы вам их гибель причиняла еще больше мук. Последнее время я, как ты знаешь, много разговаривал с виггерами. Они не боятся смерти, они по-своему уважают, но не боятся Квалу. Наверное, им это понимание передается от тех, кто ушел туда, за Пограничье, откуда нет возврата. Думаю, что, если воин, вставая на этот путь, боится погибнуть, он плохой воин.

— Плохому воину я предпочту живого воина, — всхлипнула Велла. — К тому же ты не воин. Ты гончар. Строитель. У тебя другой путь. Поэтому давай не говори всякую чушь про свою любимую Квалу, а веди меня спать. Или я не вынесу этих воплей.

Обнявшись, они зашли в шатер Гийса. Внутри было пусто. Костер почти прогорел. Хейзит осторожно сложил над едва теплящимися углями маленький шалаш, опустил на колени и стал раздувать пламя. Когда он вернул огню его былую силу и почти с удовольствием ощутил наполняющий помещение жар, оказалось, что Велла уже заснула. Свернулась калачиком под ворохом шкур и тихонько посапывала. Он подумал о том, что вот так же безмятежно сейчас могла спать жена того воина, если бы он и вправду выжил, а он, Хейзит, наоборот, погиб под копытами коня с рогатым всадником, и Велла рыдала бы над его растоптанным телом. Никому нет дела до другого. Каждого интересует только собственное благополучие. Никто не смотрит дальше собственного носа. Не видит, что есть на свете вещи, которые рано или поздно коснутся всех. Он рад за сестру, рад, что она умеет сосредотачиваться на своих горестях, заботиться о близких, иск-

ренне переживать за него, за мать, но в конечном счете замкнутость на себе оборачивается равнодушием к другим, которое чревато не меньшими бедами. Вабонам не хватает единения. Быть может, в Большом Вайла'туне, в тунах¹ еще не разучились жить по родовым канонам, когда всем есть дело до всех, когда все готовы прийти на помощь одному, а один — отдать за всех жизнь. Чем ближе жили к замку, тем чаще эти заповеди предков, о которых в далеком детстве Хейзиту рассказывал отец, забывались, стирались, заменялись новыми, более рассудительными и безопасными, следование которым продлевало жизнь, жизнь в достатке и радости, а не обещало спокойствия совести после скоротечной гибели.

На плечо Хейзита легла тяжелая рука. Он встрепенулся и сообразил, что сам невзначай заснул.

— Кто это там спит в моей постели? — негромко поинтересовался над ухом голос Гийса.

— Почему это в твоей? В моей.

— Хочешь поспорить?

— В твоей? Извини. Это я в темноте перепутал. Не буди ее. Пускай себе отоспится.

— Кто она? — Гийс обошел костер и склонился над Веллой, рассматривая ее спокойное лицо. — Ты мне не говорил, что у тебя есть девушка. Да к тому же симпатичная.

— Это не моя девушка. Ее зовут Велла. Она моя сестра. И говори тише, чтобы не разбудить.

— Если ее не будил весь этот шум снаружи, то мой голос должен быть для нее колыбельной песней. Что она тут делает?

— Спит, как видишь.

— Вижу. А до этого?

— Пришла вместе с остальными справиться обо мне. Послушай, Гийс, хоть ты мой друг, мне не нравится, как ты ее разглядываешь.

— А ты, Хейзит, хоть тоже мой друг, мог бы сделать вид, что не замечаешь моего интереса. Должен же я знать, кто поселился у меня в шатре.

— Она здесь не поселилась. Завтра я отправлю ее к матери вместе с остальными с хорошими новостями, что я жив-здоров.

— До завтра еще дожить надо, приятель. Да и куда так спе-

¹ Ту н — обособленное поселение, деревня.

шить. Покажи ей свою гордость — печь. Своди на карьер. А хочешь, я ее свожу...

— Потихе говори!

— Сам не ори!

— Я не ору...

— Вы так всю ночь будете болтать? — послышался полусонный голос Веллы.

— Нет, нет! Спи! Не обращай внимания. — Хейзит поймал удивленный взгляд Гийса и скорчил злобную гримасу. — Никто тебя не тронет.

— А я и не боюсь. — Она пошевелилась под шкурами и резко села. «На меня похожа, — не без гордости отметил Хейзит. — Я тоже не люблю разлеживаться». — Я, случаем, не ваше место заняла, *хелет*?¹

— Ну что вы, какой там «хелет»! Просто Гийс. А вы, *миси*...²

— Просто Велла. — Она потянулась и перевела хитрый взгляд с собеседника на брата. — Уже можно говорить доброе утро?

— Еще даже рано желать спокойной ночи, соня.

— Это точно, — хмыкнул Гийс. — Пойду-ка я в караул.

— Куда же вы? — Велла выбралась из-под шкур и трогательно застыла на коленях. Коса распустилась. Русые волосы лежали на плечах как продолжение короткой шубки, которую она, разумеется, даже не думала снимать. Губы обиженно подрагивали.

Гийс остановился. Глянул через плечо на Хейзита, который в этот момент изображал само равнодушие. И молча вышел.

— Кто это был? Твой приятель?

— Единственный здесь человек, на которого я могу положиться.

— А я? На меня ты не можешь положиться?

— Могу. Только ответь на один простенький вопрос. Как ты можешь спокойно спать, когда твои подруги убиваются над трупами?

Велла растерялась и в первое мгновение не знала, что сказать. Они оба прислушались. Словно опровергая слова Хейзита, на улице воцарилась тишина.

— Так ты бы хотел, чтобы я сейчас была не с тобой, а с ними? — Сестра встала с колен. — Пожалуйста. Я уйду.

¹ *Хелет* — вежливое обращение, когда говорящий хочет подчеркнуть героические заслуги собеседника.

² *Миси* — вежливое обращение к девушке.

— Да погоди ты! Я не просил тебя делать глупости. Просто я тут кое о чем подумал... Это касается всех нас. Постой, говорю! — Он поймал ее за руку и остановил уже на пороге. — Никуда ты не пойдешь!

— Пойду! Пусти!

— Тогда я пойду с тобой.

Они вышли на ночной холод. Решимость Веллы резко поубавилась, и она охотно позволила обнять себя за плечи. Повсюду горели факелы. Часть из них тоненькой змейкой извивалась в сторону далекого замка. Это те, кто не выдержал бездействия, стремились вернуться домой вместе с телами своих родных. «Следовательно, — подумал Хейзит, насчитав десяток факелов, — ночью нас будет еще меньше, чем я предполагал. Покойников несут мужчины. Сегодня их руки гораздо больше пригодились бы нам здесь...»

Велла смотрела туда же, куда и брат, но думала о своем. Укладываясь спать, она сразу почувствовала, что это не его постель. Пахло от шкур иначе. Тогда она не придавала этому значения, однако, разбуженная жарким спором и поначалу не признававшаяся в этом, невольно принялась и пришла к выводу, что запах ей нравится. Он был мужским, но каким-то мягким и чистым, вовсе не таким, какой она привыкла с неприязнью ощущать, снуя между столами в таверне. А потом она открыла один глаз, второй, заметила в полумраке шатра собеседника брата... и с тех пор думала только о нем. Нет, влюбиться она, конечно, не влюбилась. Любовь — это когда тебе горько и сладко одновременно, когда ты ищешь встречи и боишься ее, когда мечты о будущем влекут и пугают. Мысль о том, в чьей постели она нечаянно заснула, была лишена горечи и страха. В этой неожиданной встрече скрывался какой-то невнятный для нее пока смысл. Но смысл гораздо более важный, чем поиск брата, к счастью увенчавшийся успехом. Такого не могло быть, но она именно так выразила бы свое ощущение, если бы, скажем, держала сейчас отчет перед матерью. Гверна наверняка подсказала бы, что с ней творится. И откуда взялась эта несуразная радость, придавшая ночи яркость и уют.

— Откуда пришли те люди? — Она не поворачивала головы, но знала, что брат смотрит на нее, быть может, даже любит ее.

— Те, что на нас напали? Вон оттуда, с реки. Их следы видели вчера утром на опушке Пограничья. Ты знаешь, а ведь я говорил

с ними! — Хейзит обнял сестру сильнее. — Мы уже почти решили дело миром, когда примчались люди Ракли и заварили всю эту кашу. Если бы не они, я уверен, все обернулось бы совершенно по-другому, тихо и спокойно.

— Это были не люди Ракли, — перебила его Велла.

— Что?! В каком смысле?

— Я слышала, что Ракли еще вчера схватили и заключили под стражу.

— Ты в своем уме? — чуть не задохнулся Хейзит, а голос внутри повторял: «Я знал! Я так и знал!»

— Говорят, он собирался сбежать вместе с сыном. Испугался шеважа.

— Говорят? И ты веришь тому, что говорят? От кого ты это слышала? Перестань, Велла! Ты уже большая девочка, чтобы понимать, когда врут. Локлан сбежал как раз от него, причем уже достаточно давно. И кто теперь главный в замке?

— Почему мне знать! Ротрам сказал...

— Так это Ротрам тебе рассказал? — Хейзит вздохнул. — Жаль. Ему можно верить.

— ...он сказал, что к власти пришли силфуры.

— Ротрам — мастер выражаться загадками.

— А что здесь непонятного? — Велла отстранилась от брата, будто расхотела стоять рядом с таким простаком. — Раньше, у кого была власть, тот не нуждался в силфурах. Теперь, у кого есть силфуры, у того и власть.

— Это я и сам знаю, радость моя. Вопрос в том, кто именно заплатил большую цену. — Хейзит поднял взгляд на звезды, отвлекся от навалившихся на него сомнений и наконец ухватил за хвост до сих пор ускользавшую куда-то в сторону мысль. — Велла! Послушай! Кажется, я крупно влип.

— Ты о чем? — Она снова слушала внимательно, не понимая, что случилось с лицом брата, перекошенным, словно от боли.

— Все может пойти насмарку...

— Что пойти?

— Да все это! — Хейзит ткнул пальцем поочередно в сторону печи, стены мастерской, карьера, собственной груди. — Я получил это место только потому, что рассказал о своей задумке Локлану и Ракли. Ты правильно сказала, что у них была власть, и потому им были не слишком нужны деньги. Если их сменят люди при деньгах, скажем, тот же Томлин или Скирлох, они наймут

своих гончаров и вышвырнут меня со стройки как ненужную тряпку. Тэвил! А если рассуждать дальше, то после этого никто уже не будет думать о том, чтобы в первую голову спасти наши брошенные в Пограничье заставы. Все камни пойдут на продажу богатым эделям. Простой люд тоже не получит ничего. Эдели будут возводить новые замки, торгаши зарабатывать все больше силфуров, а вабоны — гибнуть. Прекрасно! Теперь ты понимаешь, о чем я?

Велла кивнула, не сводя с брата потрясенного взгляда. Она никогда прежде не предполагала, что Хейзит умеет так просто и так пронизательно видеть суть вещей, суть происходящего. Это было по-настоящему страшно...

— Надо бы найти старика Харлина. Он-то наверняка знает, если подобное происходило прежде, как поступили вабоны.

— Но Харлин погиб в пожаре...

— Очень хорошо, что ты так думаешь, милая сестрица. Кстати, его дом подожгли именно из-за тебя.

— Из-за меня?!

— Это долгая история. Я не хотел тебе об этом говорить, да и сейчас жалею, что упомянул имя Харлина. Но уж раз брякнул, знай: он жив-здоров, я надеюсь, правда, неизвестно где. Когда я видел его в последний раз, он был в кругу друзей. Они бы ни за что не дали ему погибнуть. Пожалуй, если меня отсюда вышибут новые хозяева, я займусь его поисками. Изгой обычно держатся вместе.

— Не наговаривай на себя, пожалуйста! Ты не изгой. Что вы, мужчины, за народ такой! Чуть что — паника и полное разочарование в собственных силах.

— Тебе почему знать?

— Вижу. — Велла ободряюще улыбнулась. — Знаешь, мне кажется, прав был тот, кто первым сказал: «Утро вечера мудренее».

Она больше всего на свете хотела сейчас, чтобы Хейзит зевнул, как он любил делать по вечерам, особенно в ее присутствии, и отправился спать. Она-то уж видела, чего ему стоили эти дни. Держится храбрецом, но глаза ввалились, белки покраснели, сам весь дерганый какой-то, то и дело хватается за бок, будто его там муравьи кусают. Но ведь не пошлешь же его отсыпаться. Только хуже можно сделать. Уж она-то знала, помнила, как по малолетству лезла в бой и пререкалась с ним по поводу и без. Упрямый, тэвил. Молодец, конечно. Сейчас только так и нужно себя вести.

Тем более когда тебе такую махину строить доверили. Мать вон как им гордится! Даже наедине с Веллой ни разу Хейзита не попрекнула. А ведь он своими успехами у многих в округе зависть вызвал. Такую, что люди шушукались между собой и норовили их таверну обходить стороной. Прибыль за последнее время страшно упала. В надежде на чудо мать продолжала закупать продукты для стряпни, но многое оставалось невостребованным, и кое-что даже приходилось выбрасывать. Толстуха Мара им больше не помогала. Хейзит что-то такое наговорил про нее Гверне, что та, воспользовавшись резким спадом посетителей, дала помощнице расчет. Не появившись с тех пор и Дит, ее муж, который раньше исправно ездил на рынок за покупками. И ни слова упрека. Велла слышала, будто родители обычно больше любят младших детей. Хейзит был старше ее, но это не мешало ему ходить у матери в любимчиках. Что-то она скажет ему теперь, если он окажется прав в своих опасениях? Да ничего не скажет. Посмотрит разве что строго, а ей, Велле, крикнет, чтобы не ловила мух, а обслуживала голодных посетителей. Если они когда-нибудь вернутся, конечно. Люди не любят, когда кому-то из соседей слишком хорошо (а ведь про доходы Хейзита с продажи его глиняных камней не судачил в их округе только ленивый), но, когда у соседей неприятности, это тоже мало кого привлекает. Мать всегда их учила, что нужно стараться быть как все, не бросать силфуры на ветер, временами, даже когда деньги в доме есть, не бояться брать в долг, одним словом, не кичиться достатком. Эх, мама, мама... О чем ты сейчас думаешь? Ведь не спишь же. Переживаешь. Хорошо, если догадаешься выйти навстречу каравану с факелами и трупами. Велла успела шепнуть кое-кому, чтобы передали Гверне: все ничего, Хейзит даже не ранен, но остается у карьера, Велла пока с ним. Обещали весточку донести. Могут и не сдержать слово. У самих-то горе какое... Ну да Велла тоже не промах: сразу нескольких попросила. Авось кто совестливым окажется — донесет. А нет, так должна сама догадаться, что, если бы что нехорошее с сыном стряслось, дочь вместе с остальными вернулась. Раз нету, видать, не так все страшно, есть надежда. Как есть надежда и на то, что с печкой все обойдется и Хейзита никуда со стройки не попрут. Где же этот Гийс?..

— Похоже, мне сегодня сомкнуть глаз не удастся, — словно услышав ее мысли, пробормотал Хейзит. — Ты иди ложись-ка да поспи. Все лучше, чем тут мерзнуть. А я пойду Гийса поищу.

Он был так замотан, удручен и задумчив, что не обратил внимания, с какой легкостью ему удалось уговорить сестру вернуться в шатер. Когда же он сам вошел в него через некоторое время несолоно хлебавши, так и не найдя Гийса среди напряженно взглядывавшихся в обступившую их маленький лагерь тьму стражей, оказалось, что шкуры скручены валиком, а Веллы нет. Если бы шкуры не скатали, изображая спящего человека, Хейзит не на шутку разволновался бы. Но так поступить могла только сама Велла, находясь в полном здравии. С одной стороны, она пыталась отвлечь его внимание, но с другой, прекрасно зная, что он быстро заметит подвох, как бы говорила: смотри, я просто пошутила, мне нужно побыть одной, не ищи меня.

Одной ли? Хейзит почти угадал намерения Веллы. Но в последний момент его мысль сбилась на собственный вопрос, который он ей задал насчет чистой совести. Как это он сказал: «Неужто ты можешь спокойно спать, когда твои подруги убиваются над трупами мужей и отцов?» Дело ясное. Она пошла к ним. Утешать. Сочувствовать. Все-таки ее проняло! Что ж, в таком случае не стоит за нее особо переживать. Пусть исполнит свой женский долг.

Хейзит не подозревал, как близок он к правде и как далек от нее одновременно. Велла и в самом деле готовилась исполнить «женский долг», по-своему, разумеется, и вовсе не на груди зареванной подруги, а в робких объятиях удивленного Гийса.

Она нашла его у самого дальнего костра, где он сидел в обществе покалеченных, но не утративших желания попотчевать себя добрым ежевичным кроком товарищей. Подойдя, так и сказала: — Ежевичкой балуемся?

Все головы дружно повернулись в ее сторону. Велла по привычке улыбнулась, стараясь не коситься на Гийса, который замер с кружкой у рта.

— Ну и нюх у тебя, подружка! — хрипло прошамкал один из воинов, имевший довольно свирепый вид, особенно благодаря бледному рубцу, пересекавшему левую бровь.

— Это у нее работа такая, — хохотнул другой, закрытый пламенем костра. — Я ее узнал, она в таверне прислуживает.

— Не прислуживаю, а угощаю, — поправила его Велла. — Прислуживают те, кто больше ничего не умеет.

— Может, ты и нас угостишь чем-нибудь? — поинтересовался первый. — Я бы не отказался.